

№ 3 (7)
сентябрь
2013

КОПЫЛ

историко-краеведческий альманах

**К 220-летию с даты
образования первых
семейных поселений
на Кубани**

Заповеди Игната

1. Царизмъ не поклоняться. При царяхъ въ Россию не возвращаться.
2. Съ тѣрками не соединяться, съ иноверцами не сообщаться. Общенье съ тѣрками только по нужде (торговля, война, налоги). Ссоры съ тѣрками запрещены.
3. Высшая власть - казачий кругъ. Участие съ 18 летъ.
4. Решение круга исполняет атаман. Ему строго подчиняются.
5. Атаманъ избирается на годъ. Если провинился - смещается раньше срока.
6. Решение круга для всехъ обязательны за исполнениемъ следятъ все.
7. Весь заработокъ сдаютъ в войсковую казну. Изъ нее каждый получаетъ 2/3 заработанныхъ денег. 1/3 идетъ в кошъ.
8. Кошъ делится на три части. 1-я часть - войско, вооружение. 2-я часть - школа, церковь. 3-я часть - помощь вдовамъ, сиротамъ, старикамъ и др. нуждающимся.
9. Бракъ можетъ быть заключенъ только между членами общины. За бракъ с иноверцами, - смерть.
10. Мужу жену не обижать. Она съ разрешения круга можетъ покинуть его.
11. Наживать добро обязанъ только трудомъ. Настоящий казакъ свой трудъ любить.
12. За разбой, грабежъ, убийство - по решению круга, - смерть.
13. За разбой и грабежъ на войне - по решению круга, - смерть.
14. Шинков, кабаковъ - въ станице не держать.
15. Казакамъ въ солдаты дороги нетъ.
16. Держать, сохранять слово. Казаки и дети должны гутарить по старому.
17. Казакъ казака не нанимаетъ. Денегъ изъ рукъ брата не получаетъ.
18. Въ посты песенъ мирскихъ не петь. Можно лишь старины.
19. Безъ разрешения круга, атамана казакъ изъ станицы отлучаться не можетъ.
20. Сиротамъ и престарелымъ помогаетъ только войско, дабы не унижать и не унижаться.
21. Личную помощь хранить въ тайне.
22. Въ станице не должно быть нищихъ.
23. Все казаки держаться истинно - православной старой веры.
24. За убийство казакомъ казака, убийцу живымъ закапывать въ землю.
25. Торговлей в станице не заниматься.
26. Кто торгуетъ на стороне 1/20 прибыли в кошъ.
27. Молодые почитаютъ старшихъ.
28. Казакъ долженъ ходить на кругъ после 18 летъ. Если не ходитъ берутъ штрафъ два раза, на третий - секутъ. Штрафъ устанавливаетъ атаманъ и старшина.
29. Атамана избирать после Красной горки на годъ. Есауломъ избирать после 30 летъ.
30. За измену мужа, ему бьютъ 100 плетей.
31. За измену жены, - закапываютъ ее по шею въ землю.
32. За кражу бьютъ до смерти.
33. За кражу войскового добра, - секутъ и горячий котелъ на голову.
34. Если спутался съ тѣрками - смерть.
35. За измену войску, Богохульство - смерть.
36. Если сынъ или дочь подняли руку на родителей - смерть. За обиду старшему - плети. Младший братъ на старшего руки не подымлетъ, кругъ плетями накажетъ.
37. На войне въ Русскихъ не стрелять. Противъ крови не ходить.
38. Стоять за малыхъ людей.
39. Съ Дона выдачи нетъ.
40. Кто не исполняетъ заветы Игната тотъ погибнетъ.
41. Если въ войске не все въ шапкахъ, то в походъ идти нельзя.

Заповеди Донского атамана
Игната Федоровича Некрасова
(1660 - 1737 гг.)

ISSN 2306-1383

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
ИСТОРИКО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХЪ «КОПЫЛЪ»

№ 3 (7)
сентябрь
2013

Издатель:

Управление культуры
администрации муниципального
образования Славянский
район Краснодарского края

Редакционный совет:

Н.А. Андрияш
А.В. Богачев
О.В. Леус
А.Н. Рябиков
Р.И. Синяговский
В.В. Чернявский
Г.И. Черноусова

Автор и руководитель проекта: Д.А. Решмет

Дизайн и верстка:

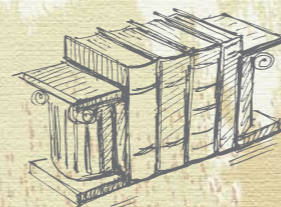
А.В. Путинцева

Фото:

П.Г. Трифонов, С.Г. Коваленко

Корректор: Е.В. Панасенко

Перевод на английский язык Л. В. Кудрявцева

СОДЕРЖАНИЕ:

Манузин Е.В. Кубанское казачье общество и образование на Кубани во второй половине XIX – начала XX вв.....	6
Письменная Т.Г. Казачи-некрасовцы и липоване: опыт сравнительного анализа некоторых аспектов традиционной семейной культуры.....	10
Погорелов С.С. Православная культура в семейных традициях кубанского казачества.....	19
Фоменко Я.О. Главная традиция моей семьи – защита Родины.....	21
Финько О.С. Семантические особенности «текста» свадебного обряда станции Черноерковской	25
Девецкая Е.Н. Символика синего цвета в текстах русских народных сказок.....	29
Кияшко Н. В. Род Кияшко в контексте региональной истории.....	32
Рябиков А.Н. Семейные традиции казаков Кубанского полка.....	40
Логинова В.А. Культурно-обрядовые традиции кубанской семьи. Проводы казака на службу.....	44
Галерея предметов казачьего быта	50

ISSN 2306-1383

QUARTERLY ANTHOLOGY
OF HISTORICAL AND
REGIONAL STUDIES
"KOPYL"

№ 3 (7)
september
2013

The publisher:
Department of culture
of municipal entity of
Slavyansky Area
Krasnodar region

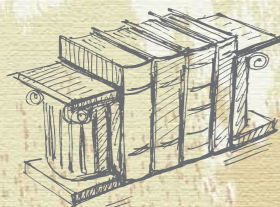
Editors:
N.A. Andriyash
A.V. Bogachyov
O.V. Leus
A.N. Ryabikov
R.I. Sinyagovsky
V.V. Chernyavsky
G.I. Chernousova

The author and the project head: D. A. Reshmet

Design and making-up
A. V. Putintseva

The photographer
P. G. Trifonov,
S.G. Kovalenko

The correlation
E.V. Panasenko

CONTENT:

Manuzin E.V. Kuban Cossack society and education on Kuban in the second half of the XIX-th – the beginning of the XX-th centuries.....6
Pismennaya T.G. Cossacks-Nekrasovtsy and Lipovans: the experience of the comparative analysis of some aspects of traditional family culture.....10
Pogorelov S.S. Orthodox culture in family traditions of the Kuban Cossacks.....19
Fomenko Ya.O. The main tradition of my family – protection of the Homeland.....21
Finko O.S. Semantic peculiarities of the «text» of the wedding ceremony of a village of Chernoyerkovskaya.....25
Devitskaya E.N. Symbolics of blue color in the texts of the Russian fairy tales.....29
Kiyashko N.V. Kiyashko clan in a context of regional history 32
Ryabikov A.N. Family traditions of Cossacks of the Kuban regiment.....40
Loginova V.A. Cultural and ceremonial traditions of the Kuban family. Farewell of the Cossack to the service.....44
Gallery of the subjects of the Cossack life.....50

Уважаемые читатели!

Этот выпуск историко-краеведческого альманаха «Копыл» посвящен замечательному юбилею – 220-летию образования первых семейных поселений на Кубани. На страницах альманаха вы можете познакомиться с результатами исследований как ученых Славянского-на-Кубани филиала Кубанского государственного университета, так и студентов и учащихся школ нашего края. Тематика работ самая разная: история семьи и рода, традиции и быт казачества, культура и образование. Но, несмотря на разницу тем, исследовательских подходов и уровня исполнения все статьи, на мой взгляд, объединяет одно, очень важное качество – все они выполнены исследователями по-настоящему влюбленными в историю, культуру и традиции родного края.

Д.А. Решмет,
руководитель общества любителей
истории и краеведения Славянского
района, действительный член
Русского географического общества

Актуальность изучения семейных традиций на Кубани

Кубанские земли начали заселяться с 1792г. черноморскими казаками, которые были выходцами из Запорожской Сечи, где, как известно, приветствовалось безбрачие. В силу исторических условий, семейный уклад черноморцев на Кубани начал формироваться с «чистого листа». В 2013 г. исполнилось 220 лет с образования первых семейных поселений.

Сложен и многотруден был процесс создания семейной культуры. Однако, огромный духовный потенциал, прививавшиеся с детства православные ценности, дали возможность черноморскому «рыцарству» в сравнительно короткое время создать прочные кубанские семьи и воспитать не одно достойное поколение. В традиции кубанских казаков семья была предметом неизменной гордости, источником любви к детям и старикам. Сыновей и дочерей родители не баловали: воспитывали в строгости, приучали к труду, уважению и почитанию старших.

Прошли годы, столетия... Ни для кого не секрет, что в настоящее время институт семьи в России и на Кубани, переживает затяжной кризис: увеличивается количество разводов, усиливается проблема «отцов» и «детей».

Причина данных негативных явлений, на наш взгляд, кроется в нарушении культурной преемственности между поколениями, утратой элементарных знаний о правилах построения семейных отношений.

Восполнить существующий пробел призвана программа «Культура кубанской семьи. Традиции и современность», разработанная лабораторией этнокультурных и этнопедагогических исследований филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани. На протяжении нескольких лет группой молодых ученых Рябиковым А.Н. канд. и.н., Письменной Т.Г., канд.и.н., Финько О.С., канд. фил. н., Девицкой Е.Н., аспиранткой Курского Государственного университета и др. ведутся научные исследования по данной тематике, издаются сборники справочных материалов, проводятся конференции. Представленные в данном выпуске альманаха статьи и очерки являются результатом совместной работы творческого коллектива.

А.П. Садило,
кандидат философских наук,
руководитель лаборатории этнокультурных и
этнопедагогических исследований филиала
КубГУ в г. Славянске-на-Кубани

Кубанское казачье общество и образование на Кубани во второй половине XIX – начале XX вв.

На современном этапе развития России, когда продолжается становление самоуправления на краевом, муниципальном и сельском уровне, все больше проявляется повод оглянуться назад в прошлое. Требуется оценить то положительное и отрицательное, что было присуще местному самоуправлению до революции 1917 года.

Одним из наиболее ярких примеров проявления дореволюционного казачьего самоуправления, является его взаимосвязь с развитием образования на Кубани. Если заглянуть глубже, в XIX век, то станет очевидным, что у истоков становления и развития сети начальных школ (основного и важнейшего сектора дореволюционного просвещения) в течение всего периода до 1917 г. стояла казачья община. Ситуация, при которой общины не хотели, а иногда и не могли (по причине участия в Кавказской и Крымской войнах) финансово обеспечить училища во второй четверти XIX в., привела к тому, что к началу 1860-х гг. Кубань имела учебных заведений всех уровней вдвое меньше, чем еще сорока годами ранее. И позже, в 1860-1870-х гг., когда инициаторами развития образования на Кубани выступали наказные атаманы, такие, как Ф.Н. Сумароков-Эльстон (циркулярное распоряжение 19 апреля 1863 г.) и Н.Н. Кармалин (решение заседания 18 июня 1873 г.) без решений обществ об открытии у себя в станицах и хуторах училищ обойтись было невозможно [1].

Основополагающим фактором, определяющим отношение общества к открытию учебных заведений, был экономический фактор. Затаенный страх современных сельских учителей о возможном переносе финансирования школ на муниципальный и сельский

бюджеты, в течение всей дореволюционной истории образования Кубани был нормой. Учебные заведения содержались в первую очередь за счет обществ и только потом уже войсковыми субсидиями, отчислениями из госказны или благотворительными взносами. Это, в частности, объясняет, почему абсолютное большинство станиц не обзавелось учебными заведениями выше уровня начальных школ - на более высокий уровень попросту не было средств. Казачество открывало училища позже, в начале XX в., когда их будет создаваться по 100-150 в год, а за право открыть у себя учительскую семинарию или гимназию отдельные станицы и города устраивали настоящую бумажную войну, нахваливая перед попечителем Кавказского учебного округа себя и критикуя соперников. Так устроили «спортивное соревнование» через своих станичных атаманов и инспекторов районов за право открытия у себя гимназии общества станиц Безкоробной и Григориполисской. Борьба за право переместить к себе вторую учительскую семинарию продолжалась между Ейском, Анапой и станицей Полтавской даже после того, как решение об открытии ее в Полтавской стало свершившимся фактом [2]. Но все это могло произойти только тогда, когда значительно увеличились доходы станиц и городов (часто в десятки раз по сравнению с первой половиной XIX в.), когда общины могли выделить из общественных земель участки от 100 до 300 десятин (т.н. «училищные земли») и доход от их аренды (а последняя приносила от 10 до 12 рублей с десятины) направить исключительно на образование.

Возможно, важнейшим положительным моментом самоуправления было то, что общи-

Члены школьного попечительского совета Ивановского сельского училища. 1901 г.

ну за нерадивость по отношению к делу учебы можно было упрекнуть или пристыдить, но не заставить, а лишь убедить. Если община, пусть даже не имея достаточно средств, твердо решала открыть у себя училище, войско из своей казны обязательно помогало. Столь же щедро на образование выделялись войсковые кредиты (главным образом на строительство училищных зданий), причем суммы часто составляли десятки тысяч рублей. Выдаваемые под низкий процент (не более 4%) и на длительный срок - 20-24 года, большинство этих кредитов, полученные общинами в начале XX в., судя по сроку, к 1917 году не были погашены и наполовину.

Механизм воздействия на общины войсковое начальство разнообразило давлением на станичных атаманов, которые, в свою очередь, более активно убеждали казаков на сходах развивать сеть училищ - к 1917 г. большинство станиц имело несколько школ каждая. Атаманы станиц, которые недостаточно заботились о развитии народного образования можно было распоряжением наказного атамана демонстративно наказать. Так это сделали со станичными атаманами станицы Даховской урядником Татарковым и ста-

ницы Курджинской отставным вахмистром Белоусовым. Их не просто взяли под арест 23 апреля 1892 г., но и сообщили об этом в «Кубанских областных ведомостях», не забыв выразить благодарность тем станичным атаманам, которые проявляли заботу о благоустройстве училищ [3].

Другой аспект в деле взаимосвязи казачьего самоуправления с процессом развития образования, связан со сложной схемой открытия учебных заведений на местах. Общества станиц, сел или городов решали, что им необходимо учебное заведение того или иного типа и ставили о том в известность свою администрацию. Эта последняя, обращаясь в дирекцию народных училищ Кубани или к попечителю Кавказского учебного округа, получала информацию о стоимости содержания в общественных станичных сходах или городские Думы, где принималось решение о том, в состоянии ли община нести этот груз расходов. По принятии положительного решения, копия данного решения (приговора) общества направлялась снова начальнику уезда (отдела), который отсылал её дальше директору народных училищ, а тот - попечителю учебного округа. Если попечитель утверждал это

г. Екатеринодар. Мариинский женский институт

решение (а в абсолютном большинстве случаев было именно так), то цепочка утверждений шла теперь в обратном направлении. Если общество могло лишь частично оплачивать содержание училища, но открыть у себя все же решило твердо, то приходила очередь торга о субсидиях, в которых кроме вышеназванных субъектов подключались войсковое хозяйственное правление Кубанского казачьего войска. Эта схема, как видим, предусматривала тесное и достаточно эффективное взаимодействие, казалось бы, разнородных систем: жесткой вертикали атаманской власти, общественных сходов и структуры министерства просвещения. Общность целей превратила данное взаимодействие в необыкновенно эффективную систему.

Еще один аспект деятельности общественных сходов – забота о нравственности детей. Если политическая благонадежность учителей была делом полиции, то оценка их нравственной стороны принадлежала общине. Учителя и учительницы, замеченные в пьянстве, разврате или излишней жестокости к детям, изгонялись без промедления. Лишь Дирекцию народных училищ ставили в известность (формально увольнять должна

была она), да просили прислать нового учителя.

В названиях кубанских школ можно часто встретить обозначения «Александровские», «Михайловские», «Алексеевские» и т.д. Это было новым явлением в училищном деле второй половины XIX – начала XX вв. Имена училищам давались по решениям общественных сходов для сельской местности или городских дум для городов [4]. После принятия решения о желании иметь для своего училища имя того или иного человека (как правило, царя или членов царской семьи) просьба направлялась через инспекторов районов, директора дирекции, попечителя округа, министра просвещения к Императору на подпись [5]. Просьбы такого рода в основном удовлетворялись. Исключение составляли те училища, которые не могли обеспечить себя всем необходимым для полноценной учебы. Реже, но все же встречались училища, названные не в честь членов правящей династии: Пушкинские и Шевченковские [6]. Если схема подачи прошения нарушалась, то это встречало категорический протест со стороны училищного руководства. Так, жители станицы Таманской, решившие в 1878 г. открыть у себя жен-

ское 1-классное училище и назвать его в честь жены наказного атамана Н.Н. Кармалина – А.И. Кармалиной, обратились сначала к ней, а потом уже поставили в известность о наименовании дирекцию училищ. Этим они вызвали бурный протест со стороны попечителя учебного округа. Несмотря на то, что получать имя училища могли в любой срок, существовала тенденция наиболее массовых именованных в честь каких-либо событий. Открытые в 1880 г. Александровские училища, включая и главное реальное училище области, именовались в основном в честь 25-летия восшествия на престол Александра II. «Александровскими» 1881 – 1882 гг. именовались теперь уже в память «почившего в Бозе» императора. Открытые в 1883 г. были приурочены к коронации Александра III. «Николаевскими» школы назывались в честь коронации Николая II. Было даже Ольгинское и Алексеевское училища – в честь детей Николая II. В станицах было довольно много «Мариинских» женских училищ, не имеющих отношения к учреждениям императрицы Марии (IV отделение С.Е.И.В.К.). Эти школы были названы в честь жены Александра III – Марии Федоровны [7].

Список использованных источников и литературы

1. Блюдов Н.Ф. Начальное образование на Кубани // Кубанский сборник. Т.1. С. 736.
2. Кубанские областные ведомости. 1893. № 13.
3. Блюдов Н.Ф. Указ соч. С. 754.
4. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 638. Л. 1-6.
5. ПСЗ. – Собр. 2. – Т. 55. – Ст. 60636; СПРКВ. – Т. 43. – Ст. 193.
6. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1110. Л. 12-16.
7. ПСЗ. – Собр. 3. – Т. 1. – Ст. 25, 26, 47, 353, 400; Т. 18. – Ст. 15095, 15955; Т. 22. – Ст. 21907; СПРКВ. – Т. 52. – Ст. 293; ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 1096. Л. 1-27.

Сложно сказать, насколько процесс наименований шел «снизу», а насколько рекомендовался «сверху». Скорее всего, имел место встречный процесс: массовые наименования, например, в память гибели Александра II, могли быть рекомендованы, но и сами общества должны были гордиться своей школой, названной в честь особ правящего дома.

Данный исторический опыт показывает, что эффективное взаимодействие общественных организаций и властных структур может привести к хорошему результату, но, как и в прошлом, ограниченность средств может стать непреодолимым препятствием для развития образования в крае

Е.В. Манузин,
канд. ист. наук, доцент кафедры истории
и методики ее преподавания филиала
КубГУ в г. Славянске-на-Кубани.

КАЗАКИ-НЕКРАСОВЦЫ И ЛИПОВАНЕ: опыт сравнительного анализа некоторых аспектов традиционной семейной культуры

Формирование новых общественных отношений в современной России, продолжающееся на протяжении последних десятилетий, отмечено возрастающим интересом российских граждан к отечественной истории и поиском исследователями новых методологических подходов для осмысления исторической действительности. Данный процесс во многом обусловлен снятием идеологического «клише» с некоторых тем, считавшихся в советский период неприоритетными. К их числу, несомненно, следует отнести историю возникновения старообрядческих общин на Северном Кавказе, одними из которых выступают липоване и некрасовцы.

Некрасовцы и липоване являются особыми ветвями русского этноса, сохранившими в себе, в достаточной степени, особенности традиционной культуры допетровской Руси: времени, когда они отделились от официальной, ныне действующей Русской Православной Церкви. Изучение старообрядческой истории и быта дает нам хотя бы частичное представление о традиционной культуре XVII-XVIII веков.

В последние годы происходили кардинальные изменения в отношении к старообрядчеству со стороны общества и науки. Появились специалисты, профессионально занимающиеся изучением традиционной культуры русских старообрядческих поселений на территории России и за рубежом. При всем многообразии старообрядческих согласий и толков все они в значительной степени сочетают сохранность древней веры и быта.

Особый и немаловажный интерес в связи с этим вызывают те общины старообрядцев, которые на протяжении определенного времени проживали за пределами Родины и верну-

лись на территорию России спустя столетия. К их числу относятся старообрядцы-липоване х. Новопокровского Приморско-Ахтарского района Краснодарского края и некрасовские казаки п. Новокумского Ставропольского края, которые, несомненно, внесли свой вклад в обогащение восточнославянской культурной традиции и сохранили вплоть до наших дней центры старообрядческой культуры.

Сравнительный анализ современных духовных традиций липован и некрасовцев позволит рассмотреть феномен старообрядчества как отдельную систему, выявить ее структурообразующие элементы, изучить их уникальную способность сохранять семейные традиции в казачьей культуре.

История некрасовских казаков и липован нашла отражение в работах ряда дореволюционных советских и современных ученых.

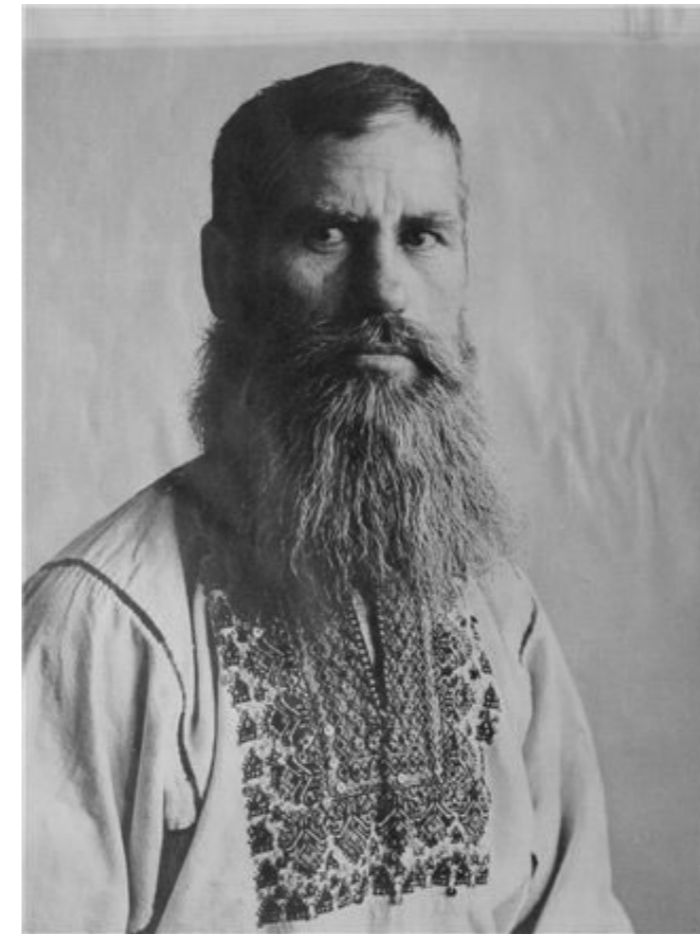
Дореволюционная историография представлена единичными работами, которые в то же время внесли значительный вклад в накопление отдельных фактов о жизни липован и некрасовцев за границей. К их числу следует отнести, прежде всего, работы И.П. Мельникова «Очерки поповщины», карты расселения староверов в Юго-западной и Средней России [9, 10]

Советские исследователи Табак И.В., Волкова Н.Г., Заседателева Л.Б. и др. уделили основное внимание изучению этнических особенностей староверов и процессу расселения на территории Бессарабии [4, 18].

Современная историография переживает настоящий подъем в изучении темы старообрядчества, в том числе и всестороннего исследования староверов Северного Кавказа. Об этом свидетельствует большое количество работ о липованах и некрасовцах, вышедших

за последние годы. В их числе исследования Субботина Н.И., Сеня Д.И., Зудина. А.И, Липинской В.А., Ляшенко М.А. и др. [6, 7, 8, 12, 13, 14].

В то же время работы, посвященные сравнительному анализу современных религиозных верований и культов староверов, практически отсутствуют. Наше обращение к данной теме продиктовано желанием частично восполнить этот пробел.

Казак-некрасовец Саничев Василий Порфирьевич

В середине XVII века в России возникло религиозно-общественное движение, вошедшее в историю под названием «раскола» или старообрядчества. Поводом для его проявления послужила церковно-обрядовая реформа, которую в 1653 г. начал проводить патриарх Никон с целью укрепления церковной организации. Опираясь на поддержку царя Алексея Михайловича, Никон исправил русские богослужебные книги и изменил некоторые обряды. Хотя реформа затрагивала лишь внешнюю, обрядовую сторону религии эти изменения имели

большое значение. На защиту старой веры выступили различные слои населения, особенно много среди которых было крестьян и посадских людей [5, с. 56].

В 1649 г. царь Алексей Михайлович издал «Соборное Уложение», которое окончательно запретило крестьянам уходить от помещиков. Крестьяне, становясь на защиту старой веры, выражали этим самым свой протест против феодального гнета. Одной из его форм являлось бегство населения на окраины страны – на Дон и Терек, где к этому времени уже сформировалось казачество. Наличие среди казаков значительного числа старообрядцев привело к тому, что в 70-80-е гг. Дон, Терек, а затем и Кубань стали центрами антифеодального, антицерковного старообрядческого движения, поддержанного широкими слоями донского казачества. Настоятельные требования правительства о выдаче беглых крестьян и сторонников «раскола» в 80-е гг. XVII в. представляли собой покушение на права донских казаков не выдавать беглых [4, с. 21].

Против притеснений в 1708 г. поднялось народное восстание, которое возглавил Кондратий Булавин. А в августе этого же года один из его сподвижников – Игнат Некрасов – привел на Кубань значительный отряд казаков. Источники по-разному называют число ушедших на Кубань: от нескольких сот до нескольких тысяч. Они пришли со своим знаменем и пушками, с твердым намерением отстаивать старинные казачьи привилегии.

Крымский хан разрешил некрасовцам поселиться между Темрюком и Копылом. Здесь они основали ряд своих городков: Голубинский, Чирянский, Блудиловский и др.

Царское правительство пыталось подчинить непокорных старообрядцев. Проводились карательные экспедиции, городки дважды уничтожались войсками. В 40-х гг. XVIII в. часть игнат-казаков переселилась в Турцию, в Дунайскую дельту, где некоторое время составляла особое казацкое войско на службе турецкого султана. Оставшиеся на Кубани некрасовцы оказали активное сопротивление русским властям, попытавшимся занять

территорию Тамани, отошедшую к России по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. Правительство, видя политическое настроение казаков, предприняло меры к возвращению их на родину, обещая безопасность и помилование. Однако, в 1777 г. около 3000 человек, не приняв приглашения властей, предпочли уйти за Кубань, в район Анапы, где оказались в весьма неблагоприятном экономическом и политическом положении. Другая часть в 1778 г. покинула Россию и водным путем переселилась в Анатолию. На прежнем месте осталось 15 куреней неимущих казаков, которым, очевидно, не хватило места в лодках [17, с. 408].

Казачьи территории были не единственным регионом, куда стремились потоки беглецов, желавших обрести религиозную и политическую свободы. Многочисленные группы крестьян, под общим названием «липоване» находили убежище на землях Молдавии, Буковины и Добруджи [8, с. 43]. Такое название переселенцы по одной из версий получили вследствие остановки и проживания в течение определенного времени в липовом лесу.

Первые сведения о крестьянах-старобрядцах на вышеназванных землях относятся к началу XVIII века. В Буковине были основаны села Белая Криница, Климовцы и Соколинцы (ныне Липовень). На землях Молдавского княжества, находившегося в то время в вассальной зависимости от Османской империи, старобрядцы основали села Кунича и Сырково. Численность их непрерывно увеличивалась, достигнув в 30-х годах XVIII в. нескольких тысяч человек («с 70 слобод»). В октябре 1752 года русский посол в Турции сообщал в Петербург о том, что «бежавшими из России раскольниками, наполнены многие превеликие деревни на польской границе и ниже по Днестру». По нижнему Днестру в этот период известно о старобрядческом крестьянском населении в Ставучанах, Хребтовке, Филиппонах, Кулешовке, Грубном, Ветрянке, Чобурчах [8, с. 10].

Колонизация крестьянами-староверами нижнего Подунавья началась в первой половине XVIII века. Примерно в одно время с

ними эту территорию стали осваивать и некрасовские казаки, основавшие здесь наиболее крупные свои поселения: Дунавцы (Большие и Малые), Сарикёй, Болотное и др.

Совместное проживание липован и некра-

Староверы-липоване

совцев не отличалось особым миролюбием, причиной чему являлась ограниченность пригодных для земледелия территорий и борьба за богатые рыбой водные бассейны. Ситуация приобрела еще более напряженный характер, когда в промежуток между двумя Русско-турецкими войнами (1776-1785 гг.) туда заселились перешедшие в подданство турецкому султану запорожские казаки.

В первой половине XIX в. старобрядческие общества в Бессарабии пополнялись также за счет механического притока беглых русских и украинских крепостных крестьян, солдат, что привлекало к старобрядцам пристальное внимание гражданских властей. Частые поимки и жестокое наказание беглых приводили к эмиграции части старобрядческого населения в пределы Османской империи, в Добруджу. Непременным условием для всех желающих быть принятыми в старобрядческое общество был переход в старую веру.

К концу XIX в. некрасовцы и липоване, проживавшие в Турции, стали испытывать притеснения со стороны властей и местного населения: были введены дополнительные налоги, всеобщая воинская повинность, участились межнациональные конфликты. Кроме того,

стали часты близкородственные связи, так как староверы выходили замуж и женились, как правило, на членах своей общины.

Все эти причины обусловили их возвращение на Родину. В течение XX в. игнат-казаки и липоване небольшими группами переселялись на территорию России. В 1920 г. общины некрасовцев и липован начали строительство населенных пунктов на территории современного Приморско-Ахтарского района Краснодарского края. Игнат-казаки возвели хутор Новонекрасовский, липоване – Новопокровский. Последняя партия игнат-казаков вернулась в Россию в 1962 г. и поселилась в п. Новокумском Ставропольского края [4, с. 112].

К числу элементов современной семейной культуры липован и некрасовских казаков следует отнести сохранение обычая ношения национальных костюмов.

Традиционная одежда старобрядцев-липован складывалась на протяжении всей их истории и передавалась из поколения в поколение, обеспечивая, таким образом, этнокультурную преемственность. На своеобразии одежды липован наложили отпечаток межэтнические связи и верность соблюдению заветов предков [8, с. 39].

Традиционная одежда замужней женщины состояла из: нательной рубахи и шубки; головных уборов – кички, очипка, косяка, платка, а также обрядового пояса. Данный перечень не охватывает всего многообразия вышитых и тканых изделий, сохранивших в орнаментации следы древней символики и являвшихся основными компонентами костюма.

Рубаха шилась из конопляной или льняной ткани и являлась до середины XX столетия основным видом нательной одежды. Бытовая рубаха обладала большой длиной, прямыми рукавами и округлым воротом. Передняя и задняя ее части соединялись на плечах четырехугольными кусками ткани, а рукава пришивались с помощью ластовиц – квадратных или треугольных вставок ткани в районе подмышек. Низ рукавов обрабатывался манжетом или и рюшей.

Женская рубаха липован декорировалась

вышивкой, кружевом или тесьмой. В числе наиболее используемых цветов для вышивки следует отметить – черный и красный на белом фоне. Будничные рубахи отличались скромным декорированием, а праздничные, особенно свадебные – сложным орнаментом. Узорам украшались подол, рукава, грудной вырез, места соединения рукавов с плечом, манжеты, ворот. К середине XX столетия в употребление вошли фабричные полотна – миткаль и ситец, которые вытеснили ткани домашнего производства.

Старобрядческая шубка (сарафан) выполнялась из крепдешина, ситца, атласа. Ее отличительной чертой были множество сборок, которые придавали ей пышность. Надевали ее выше груди, под «рукава» и подвязывали поясом. Края лямок и подол обшивались двумя полосками цветной ткани как оберег от нечистой силы. Под шубку обязательно надевался подъюбник [8, с. 41].

Во время венчания головной убор невесты – платок заменялся убором замужней женщины, состоящим из обрядовой кички, очипка, косяка и платка. Кичка служила лишь каркасом для верхнего головного убора, женщина получала ее во время свадьбы как залог счастливого брака. Очипок произошел от украинского чепца из золотой и серебряной парчи на подкладке из накрахмаленного холста. Косяк – один из разновидностей платка, выполненный из легкой ткани, по углам которого нашивались кисточки, сделанные из цветных ниток. Сами углы косяка расшивали нитками того же цвета. На косяк пришивалась лента, которая прикрепляла его к кичке.

Национальный костюм некрасовской казачки, состоял из трех основных частей:

- «платка» – обязательного головного убора для замужних казачек, как правило, красного цвета. В отличие от липованок некрасовские казачки использовали платки в два раза превосходящие размером обычные. В настоящее время, чтобы добиться нужной длины, женщины сшивают два купленных платка в один и повязывают особым способом, полностью закрывая шею. Молодым девушкам разреша-

лось в церковь надевать на голову связки – нарядные ленты. Традиция подчеркивать непопечность девочек была и у липован. Из числа последних на престольный праздник выбирались две с наиболее длинным волосом. Девушкам распускали косы и поручали нести главную храмовую икону [8].

«Платки» и «связки» у некрасовских казачек украшались «булавочками» – изделиями из бисера – и живыми цветами.

Некрасовские казачки

Облачение в национальный костюм казачки всегда требовал и требует сейчас достаточно хорошей подготовки, поскольку наряд состоит из множества элементов. Первой на тело одевается «рубаха» – длинное платье широкого покроя с пышными рукавами. Затем следует «балахон» – длинный приталенный пиджак с короткими рукавами, одевающийся поверх «рубахи». На рукавах обязательно присутствуют «наставки» – разноцветные полосы из атласного материала. «Балахон» подпоясывается коротким поясом, к которому прикрепляется «завеска» – нарядный фартук, «мутозыки» – два длинных пояса с пышной бахромой на концах и ажурный белый платок, выполняющий вместе с «завеской» и «мутозыками» декоративную функцию. На ноги казачки обязательно надевают белые носки, символизирующие торжественность случая. Традиция ношения мужских национальных костюмов, в отличие от липован, сейчас уже утрачена. Мужчины обязательно надевают в церковь пиджак или другую одежду темных тонов. К

числу исчезающих обычаев относится и ношение бороды [18].

Главным церковным и одновременно важным семейным праздником для обеих исследуемых нами староверческих общин является Пасха.

Липоване начинают подготовку к ней во время Великого поста: белят дома, убирают, готовят двор и пр. Эти действия связаны и с чистым четвергом: «Малился. Обедня была, причастие было тогда. Покаялся. Кому причастие, это чистый четверг. Мы в чистый четверг топили баню».

Важное место отводится праздничному столу, убранство которого у липован и некрасовцев существенно отличается.

Особым ритуалом у первых в подготовке к празднику считается выпекания паски, которое происходит, как правило, в пятницу или субботу. В этот день предпочитают ничего не брать в долг. К выпечке ритуального хлеба приступают только с молитвой, стараясь руководствоваться памятью традиций пожилых членов общины [8].

В ряде случаев одну паску и яйцо ставят на божничку и оставляют до нового года. Праздничное настроение сохраняется в течение всей пасхальной недели. Жители хутора посещают родственников, соседей и поют духовные стихи.

Завершением пасхальной недели являются Провода. В отличие от кубанской традиции, новопокровцы не устраивают коллективного посещения кладбищ, предпочитая поминать усопших дома в кругу семьи в первый день Пасхи на «Гробки»: «Центр вселенной на земле, а не за земной жизнью».

По воспоминаниям информаторов на третьем воскресеньи после Пасхи (в День жен мирноносцев) женщины собирались и поминали усопших. Но эта традиция после переселения в Россию постепенно исчезла.

Что касается некрасовских казаков, то перед пасхой они, как и липоване, наводят порядок во дворах, по традиции обязательно белят извещью дома с внешней стороны, запасаются продуктами. Казачки готовят праздничные

национальные костюмы, казаки помогают им обновить «красный угол».

Особое внимание старообрядцы уделяют праздничному столу. На нем обязательно присутствуют крашеные яйца, что характерно и

Некрасовская казачка

для липован. Однако в отличие от последних, некрасовцы пасхальные яйца не варят, а запекают в духовке, предварительно покрасив краской.

Из обычных блюд предпочтение отдается рыбе, приготовленной традиционным способом: перед жаркой ее «куропят» – делают поперечные надрезы по всей длине. В настоящее время у некрасовцев слабо развит обычай печь пасхальные куличи (этот факт видимо объясняется тем, что главным направлением хозяйственной деятельности казаков долгое время являлось рыболовство). Свое отражение он нашел и в праздничной литургии, где отсутствует обряд освящения продуктов питания во время крестного хода [20].

Пасхальные торжества начинаются для старообрядцев с посещения церкви. Уходя в храм, верующие зажигают перед образами лампы, читают молитвы.

Порядок богослужения в целом совпадает с традициями липован и включает в себя 4 этапа: малую и великую вечерню, великое повечерие, «полуношницу», центральным моментом которой является крестный ход, и пасхальную утреню, сопровождающуюся зажиганием большого количества лампад и свечей, а также торжественной молитвой – «Час первый». В повседневном быту некрасовцы употребляют более простые названия частей службы. Первые три этапа объединяются в «Заутреню», а заключительный – именуется «Часами».

Отличными от старообрядческой традиции являются некоторые моменты крестного хода, который начинается в 24 часа торжественным выходом из алтаря священника в праздничном облачении. За ним следуют дьяки, несущие хоругви, крест, иконы Воскресения и Рождества Христова. Священник трижды поет тропарь «Христос воскрес и смертию на смерть наступил и в гробе нам живот даровал», затем ее повторяют дьяки и прихожане. Верующие зажигают свечи и выходят колонной за священнослужителями на улицу, где совершается трехкратное обхождение церкви по часовой стрелке. Вернувшись в храм, дьяки выстраиваются в линию по центру. Вместе с ними становятся и женщины, следящие за свечами, готовящие просвиры и т. д. Священник поочередно «христосует» с участниками обряда, одновременно кладя в карман каждому верующему пасхальное яйцо [8].

Особенности прохождения богослужения также обуславливаются и внутренним устройством храма. Церковь в поперечном сечении можно условно разделить на три основные части:

- небольшой коридор и комнату, называемую «чуланчиком», которая предназначена для женщин, несущих церковное наказание: разведенных с мужьями, прерывавших беременность и т. д. Для того, чтобы отомолить по-

добные грехи требуется значительный срок – от 10 до 15 лет. Все это время наказанная не имеет права входить в основную часть храма;

- центральную часть, разделенную на две половины: женскую и мужскую, имеющую дополнительных вход с правой стороны. Оба помещения отделяются друг от друга перегородками, которые представлены редкими иконами XVIII в. Возле образов постоянно находятся женщины преклонных лет, как правило, монашествующие или овдовевшие, заслужившие верностью традициям право прикасаться к иконам и ставить свечи. Следует отметить, что обычным прихожанкам не разрешается дотрагиваться до предметов культа даже дома. Их перестановку и реставрацию производят мужчины. Граница между мужской и женской половиной является условной и может нарушаться по благословению священника. Возле стен предусмотрены удобные лавочки, на которых лежат «подружники» - коврики и подушечки, сшитые казачками для удобства выполнения земных поклонов;

- алтарь, отделенный от остальных частей храма иконостасом.

Сравнивая устройство храма некрасовцев и липован, следует отметить, что в обоих случаях староверческая традиция предусматривает деление храма на женскую и мужскую половины, обязательное наличие специальных подушечек для земных поклонов, крестообразное сложение рук верующих на животе во время литургии [18].

Выйдя из церкви, липоване и некрасовцы приветствуют друг друга традиционными словами: «Христос воскрес!». Дома они, как и все православные христиане, садятся за праздничный стол «разговляться», встречают гостей. Иноверцам подают ту же посуду, которой пользуются сами.

Праздник продолжается всю последующую неделю – «светлую седмицу». По давнему обычаю, в эти дни старообрядцы по возможности стараются воздерживаться от тяжелого труда.

Огромное влияние на современное состояние церковной жизни староверов оказали годы Советской власти. Смягчились строгие

церковные запреты, у некрасовцев практически исчезли народные игры, сопровождавшие основной христианский праздник. У пожилых людей сохранились лишь смутные воспоминания о том, как раньше на Пасху казаки выходили играть на улицу всем селом. Самым популярным развлечением считалось катание тряпичных мячиков, которыми нужно было попасть в разложенные на земле пасхальные яйца.

Эти процессы не проходили безболезненно. В первые годы жизни на Ставрополье старообрядцы нередко устраивали забастовки, требуя установить дополнительный выходной на следующий день после праздника.

Ежегодно липоване и некрасовцы отмечают уменьшение количества прихожан (в последние годы, например, среди певчих в п. Новокумском и х. Приморско-Ахтарском стали появляться женщины, т. к. мужчин, желающих петь на клиросе, не хватает), постепенное забвение традиций. Об этом свидетельствует, в частности, нарушение наследственной преемственности духовного звания, что неизбежно сказалось на качестве подготовки духовных лиц. На Дону, как правило, вопрос о назначении нового священника решала казачья община; в Турции, в связи с изменениями условий жизни и постоянной нехваткой священнослужителей, появилась необходимость воспитания собственных кадров – духовный сан стал передаваться по наследству. Однако после возвращения в Россию этот обычай был утрачен. Так, первым иереем в поселке Новокумском стал Пронюшкин Трифон Иванович. Согласно установленному правилу, на его место должен был прийти сын Данил. Но он вступил в ряды компартии и не стал ходить в церковь. В настоящее время желающие стать священниками сами выдвигают свою кандидатуру. Прихожане материально помогают им пройти короткое обучение в Москве, однако, практика показывает, что этого недостаточно.

В среде верующих, по-прежнему, актуален вопрос об отношении к ортодоксальному православия. Староверы, как и раньше, считают многие аспекты учения «новообрядцев» оши-

бочными, называют последователей Никона «щепотниками», т. к. те крестятся «щепотью» – тремя пальцами и «обливанцами», поскольку не погружаются полностью в воду при крещении.

Сравнительный анализ липован и некрасовцев показывает, что их варианты старообрядчества на сегодняшний день имеют ряд общих отличий, что обуславливается изначальным происхождением данных общин: первой – из среды русского населения центральных районов России, второй – из донских казаков. Данная особенность отражена в традиционных костюмах, фольклоре, особенностях семейных обычаев. Так, например, торжественные обеды во время престольных праздников липоване, как и представители ортодоксального православия, устраивают в церкви, а некрасовские казаки по старому донскому обычаю в доме у прихожан.

На формирование духовных традиций некрасовских казаков существенное влияние оказали Заветы их руководителя Игната Некрасова, запрещавшие, в частности заключать браки с лицами нерусской национальности, казаку на казака работать и пр. Это обстоятельство привело к тому, что на протяжении двухсот пятидесяти лет некрасовские казаки были более замкнутой группой, чем липоване, и общины тех и других не ассимилировались

друг с другом во время совместного проживания на о. Майнос.

В то же время, духовные культуры липован и некрасовцев имеют ряд сходств, являющихся общими для всего православного мира, но обязательными только для староверов. Так, до сих пор у некрасовских казаков и липован существует запрет на браки между крестными родственниками, а степени допустимого родства высчитываются по Кормчей книге.

Старообрядчество продолжает оставаться в сознании некрасовцев и липован главным фактором их этнической принадлежности. Современные церковные традиции способствуют духовному и культурному единению верующих, оказывают благотворное влияние на нравственность молодежи. Их дальнейшее изучение позволит выявить новые факторы влияния древлеправославия на формирование семейной культуры казачества и других этнических групп северокавказского региона.

Т.Г. Письменная,

канд. ист. наук, преподаватель кафедры истории и методики ее преподавания филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани

Список использованных источников и литературы

1. Бачинский А.Д. Основные этапы крестьянско-казацкой колонизации Буджакской степи и низовий Дуная в XVIII – XIX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Кишинев, 1966. С. 326.
2. Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Календарная обрядность терских казаков // ЭО. 1996. № 2.
3. Бондарь Н.И. Община старообрядцев-липован Приморско-Ахтарского района: история и культура.
4. Волкова Н.Г., Заседателева Л.Б. Казаки-некрасовцы // Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 1. – М.-Краснодар, 2002.
5. Евдокимова Л.В. Молокане, некрасовцы // Сборник материалов научно-практической конференции «Проблемы изучения, сохранения и развития традиционной культуры славянского населения юга России и пути их решения (18-19 мая 2001 г., г. Ставрополь)». – Ставрополь, 2001.
6. Зудин А.И. Старообрядчество на Кубани в отечественной историографии: некоторые итоги и перспективы изучения // Мир славян Северного Кавказа. Вып. 2. – Краснодар, 2005.
7. Зудин А.И. Старообрядчество // Очерки традиционной культуры казачеств России. Т. 2. – М.-Краснодар, 2005.
8. Лященко М.А. Община старообрядцев-липован Приморско-Ахтарского района: история и культура. – Краснодар, 2006.

9. Мельников П.И. Карта населения раскольников в Юго-Западной и Средней России, во владениях Австрийских, Турецких, Молдовлахийских // Русский вестник – СПб, 1863.
10. Мельников П.И. Очерки поповщины // Полн. Собр. в 9 т., Т.7. – СПб, 1909. С. 127.
11. Ратушняк В.Н. Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. – Краснодар, 1996.
12. Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.) – Краснодар, 2003. с. 127.
13. Сень Д.В. Казаки-некрасовцы в Османской империи: динамика религиозных воззрений // Проблемы изучения и развития казачьей культуры. – Майкоп, 2000.
14. Субботин Н.И. История Белокриницкой иерархии // Старообрядцы Румынии: Сб.трудов. Сост. В.А. Липинской – М., 1994.
16. Скорик А.П. Казачий Дон. Очерки истории. Т. 2. – Ростов-на-Дону, 1995.
17. Савельев Е.П. История казачества. (Историческое исследование). Часть III. – Новочеркасск, 1918. С. 408.
18. Табак И.В. Особенности расселения и численности старообрядцев в Бессарабии (XVIII – начало XX вв.) // Проблемы исторической демографии СССР и Западной Европы. – Кишинев, 1991. С. 142.
19. Инф. Пономарев Денис Прохорович, 1948 г.р., священник храма. Покрова Пресвятой Богородицы, г. Новокубанск Краснодарского края.
20. Инф. Пронюшкина Серафима Лиферовна, 1954 г.р., п. Новокумский Ставропольского края.
21. Инф. Пронюшкин Данил Трифонович, 1947 г.р., п. Новокумский Ставропольского края.

Православная культура в семейных традициях кубанского казачества

Православная вера является одной из важнейших составляющих духовной культуры кубанского казачества. Не случайно казаков называли «воинством Христовым», защитниками церкви и Отечества.

Православие определяло жизненный путь казака с первого дня его появления на свет, выступало важнейшим фактором формирования боевого духа и всей военной системы казачества. Обычаи хранить боевые знамена в храмах, торжественно выносить их перед отправлением казаков в военный поход, обязательные молебны и напутствия священников обеспечивали духовное единство Кубанского казачьего войска [3].

Любой военный успех казаки связывали с заступничеством Божиим. «Господи, благослови!» – говорили кубанцы, начиная какое-либо дело.

Христианская мораль лежала и в основе формирования нравственных устоев казачьей семьи.

Воспитание детей начиналось с изучения заповедей Господних. Родители поучали своих чад: не убивай, не кради, трудись по совести, не завидуй другому, прощай обидчиков, заботься о своих родителях, помогай бедным, не обижай сирот и вдовиц [4].

Особым почитанием в казачьих семьях пользовался «Красный угол» или как его еще называли «Царский», где находились иконы и другие культовые принадлежности. Взрослые дети, по поручению матери, участвовали в его оформлении: украшали перед праздниками, следили за лампадкой и пр.

Казачий быт был регламентирован христианскими праздниками, в дни которых запрещалось работать. Накануне Рождества, во время Филипповского поста, казачки устраивали уборку жилых помещений: выносили ковры и коврики на снег, выбивали, чистили, обметали паутину по углам. Особое внимание в те дни уделяли иконам «Крещение» и «Вертеп». Свя-

той угол, где они находились, полностью обновляли, вокруг образов развешивали «блескоту»: разноцветные мониста, серебряные бусы» [1].

Казаки-мужчины на домашних подворьях закалывали кабанов, заготавливали мясо уток, индюков, кур для рождественского стола.

Посреди станичных церквей в предпраздничные дни выставлялась большая икона «Крещение». Вечером накануне Рождества женщины и дети колядовали, а наутро мужчины христославили. В день Рождества все от мала до велика посещали церковь.

Казачьи семьи, как правило, были многопоколенными, под одной крышей жили старики, их взрослые дети, внуки, правнуки.

Правила домостроя предписывали строгое соблюдения принципа уважительного отношения детей к родителям, младших братьев и сестер к старшим. При появлении старика все лица, младшие по возрасту, вставали – казаки в форме прикладывали руку к головному убору, а без формы – снимали шапку и кланялись [5].

Авторитет отца с матерью был весьма велик. Без благословения родителей не начинали никакую работу, не принимали решения по важным делам. На Кубани к ним обращались только на «Вы»: «Вы, мама», «Вы, тату».

Высокий статус мужа-отца подчеркивался поведением жены, которая по традиции называла супруга только по имени отчеству, а также особыми правилами поведения за столом. Отец резал хлеб, заранее перекрестив его, читал молитву, первым начинал есть и первым выходил из-за стола [6].

Обычаи казачества подразделяли работы по хозяйству на «мужские» и «женские». В обязанности казаков входило вспашка поля, сеяние хлеба, заготовление кормов, рубка леса, ухаживание за скотом, изготовление орудий труда. Казачки обрабатывали огород, готовили пищу, ремонтировали и шили одежду и пр. Такое разделение труда отразилось и в фольклоре: «Без хозяина двор плачет, а без хозяйки – хата».

Л.Н. Толстой в повести «Казачки», отмечая особенности быта казачек, указывал на то, что изящество в одежде и убранстве хат составляет привычку и необходимость их жизни: «Казачка в буквальном смысле умела делать все. Не было такой, которая не умела бы шить, кроить одежду, вязать чулки, носки, вышивать...» [4].

В семейном быту взаимоотношения между мужем и женой определялись согласно христианскому учению: «Не муж для жены, но жена для мужа», «Да убоится жена мужа своего» [2].

Однако, несмотря на подчиненное положение мужчине в семье, духовная роль женщины-матери в истории казачества огромна. Именно она первая закладывала в детях основы религиозно-нравственного воспитания: следила за регулярным посещением чадами церкви, обучала главным молитвам, пела на ночь песни, прославлявшие боевую удачу казачьего рода, прививая, таким образом, любовь к родной земле, малой родине.

В числе чтимых традиций казачества следует отметить гостеприимство. Уважение к го-

стю обуславливалось тем, что его считали посланцем Божиим. Заходя в дом, путник первым делом осенял себя крестным знаменем возле икон, укрытых сверху вышитыми и кружевными полотенцами. Независимо от возраста, пришедшему страннику хозяева оказывался почет, организовывали обед в его честь, определяли лучшее место в доме для ночлега. Именно поэтому у казаков существовало правило: отправляясь по делам в соседние станицы, не брать запас продовольствия.

Таким образом, православная культура лежала в основе формирования семейных традиций казачества, обеспечивало их преемственность из поколения в поколение.

С.С. Погорелов,
ученик 11 класса МОБУСОШ № 14
п. Марьинский Новокубанского района

Список использованных источников и литературы

1. Бойченко Н.В. Казачка. Что может быть красивее? // Электронный ресурс: <http://www.nsportal.ru/shkola/kazachka-cto-mozhet-byt-krasivee>
2. Евангелие. Первое послание к коринфянам святого апостола Павла
3. Маслов А.В. Кубанская старина. Жизнь и быт казаков. Элективный курс. – Краснодар, 2007.
4. Основы казачьего семейного воспитания // Электронный ресурс: <http://www.rusdobrovoletz.ru>
5. Фролов П.З. Жемчужная слеза казачки. – Краснодар, 1998.
6. Информатор Яценко Л.Я., 1936 г.р. – Новокубанск, 2013.

ГЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ МОЕЙ СЕМЬИ – ЗАЩИТА РОДИНЫ

«Человек тем более совершенен, чем он более полезен для широкого круга интересов общественных, государственных и всего человечества»

Д.И. Менделеев

Здравствуйте, уважаемые читатели историко-краеведческого альманаха «Копыл». Позвольте представить Вашему вниманию исследование, посвященное изучению славной мужской традиции нашей семьи – военной службе Отечеству, передающейся в роду Фоменко из поколения в поколение.

В кругу близких мы часто пересматриваем семейный альбом. С черно-белых, порой, пожелтевших снимков на нас смотрят молодые, здоровые, крепкие ребята в военной форме – десантники, моряки, артиллеристы, связисты. Кем только не служили мои родные!

С тех пор прошло немало времени, многое изменилось в жизни, в стране. Но прошлое изменить нельзя. Прошлое – это судьбы людей. Их надежды, которые сбылись или нет. Прошлое – это опыт целых поколений и в нём много такого, что может быть интересно, полезно, а порой и поучительно для нас, молодых.

В этой работе рассказывается о том, как передавалась в нашей семье традиция защищать Родину. При любом правительстве, при любой партии, при любом строе – служение Отечеству считается почётной обязанностью, долгом.

Для выполнения работы я тщательно подбирала материал. С этой целью посетила Черноерковское казачье общество, работала с архивом семьи, беседовала со станичниками.

Все мужчины в нашей семье служили в армии и считали это одной из важнейших мужских обязанностей. И дедушки, и дяди, и папа рассказывали мне о ярких моментах службы. Это настоящие страницы истории – тяжелые, трагические, повседневные и рутинные, с долей юмора, шутки и веселья. Когда я слушаю их воспоминания, то больше всего меня поражают их лица – они светлеют, молодеют, глаза светятся каким-то особенным теплом. И это понятно. Они возвращаются в свою молодость!

Служба в армии давала возможность молодому человеку увидеть бескрайние просторы нашей Родины, оценить разнообразие и богатство её природы, охранять её рубежи, получить профессию, закалиться духовно и физически. Армия учила преодолевать свои слабости, трудности, ценить дружбу, понимать

что такое дисциплина и порядок. Многим во время службы удалось увидеть дальние страны. По окончании срока службы каждый солдат увозил с собой не только воспоминания, но и альбом, переполненный фотографиями.

И сейчас – это живые, говорящие частички жизни моих родных, общей истории страны.

Наши родители вкладывают в нас всё то доброе и значимое, что было в их судьбе, и мы должны не только помнить и хранить память о них, но и делиться с другими людьми.

Атомная осень 1954 года

Мой дедушка – Ильин Григорий Фёдорович был свидетелем исторических событий во время прохождения службы. Он родился в 1934 г. и время его службы приходилось на послевоенный период. Перед солдатами была разрушенная войной Белоруссия. Часто солдаты делились продуктами с местным населением, помогали ему, чем могли. Дедушка с грустью говорит об истощенных женщинах, которые трудились на полях вместо погибших мужчин. Они приходили после тяжелого рабочего дня к военной части и ждали хлеба для своих голодных детей. Кроме несения службы, солдаты помогали и в уборке урожая.

В 1954 г. он принимал участие в военных учениях. 59 лет назад в Приволжском военном округе был произведен наземный ядерный взрыв. До недавнего времени эта информация была секретной и только в 80-х гг. появились осторожные публикации. Руководителем атомных учений был маршал Г.К. Жуков, руководителем советской атомной программы – академик И.В. Курчатов, на полигоне присутствовали Н.С. Хрущёв и министр обороны Н.С. Булганин.

Ранним утром 14 сентября 1954 г. бомбардировщик ТУ-4 в сопровождении истребителей вылетел в район Тоцкого полигона. В 9 ч 33 мин. с высоты 8 тыс. метров на заранее отмеченную точку полигона был сброшен атомный заряд, который через 45 секунд взорвался на высоте 350 метров. Объявленная мощность бомбы 40 килотонн, хотя независимые эксперты оценивают силу взрыва не менее 100 килотонн (примерно в 8 раз больше мощности бомбы, сброшенной американцами на Хиросиму).

Дедушка описывает так эти события: «Примерно полгода шла тщательная подготовка к учениям. Лагерь расположился на протяжении 60 км. Строились блиндажи в три наката. Лето было очень жарким, не хватало воды, на день выдавали две фляжки по 750

Готовы к десантированию.

граммов. Были случаи заболевания дизентерией. Чистую воду брали только в одном месте, его называли Золотой ручей. В зоне взрыва заранее разместили боевую технику, орудия, танки, машины с тягачами, самолёты. В небольшом леске неподалёку привязали подопытных животных. В танках разместили мелкий скот: овец, коз, баранов. Страх перед испытаниями не было, видимо мало кто реально представлял, какую угрозу несёт «немирный» атом. После взрыва мы провели артподготовку, затем пошли в условную атаку. Всё вокруг изменилось – степь выгорела, лес исчез, птицы сгорели заживо, земля ещё дымилась. Техника в зоне взрыва была искорёжена, местами расплавлена, большинство животных погибло, а те, что остались живы, были опалены и сильно страдали.

В районе испытания атомной бомбы мы находились до ноября. О том, что военнослужащие принимали участие в этих учениях, обещали сделать отметки в военных билетах, но затем сказали, что это секретная информация и до определённого времени её разглашать нельзя. Да и сейчас никто не вспоминает о тех, кто ещё остался жить».

Дедушка демобилизовался в 1956 году, по призыву партии и правительства после службы комсомольцы были призваны на строительство шахт в Донецкой области, и там он проработал ещё 6 лет. Дедушку поздравляют обычно с Днём шахтёра, Защитника Отечества, а теперь я знаю, что и к атомной энергии он имеет самое прямое отношение.

Рассказ дедушки Гриши произвёл на меня сильное впечатление, поэтому я нашла дополнительные сведения о событиях 1954 г. До сих пор мало, что извест-

но о «невоенном ущербе», нанесённом стране. В зоне взрыва около 15 тыс. квадратных километров территории, на которой проживало 5-6 млн. человек. Через эту территорию протекает река Самара, крупнейший волжский приток. По сей день, талые воды приносят в её русло радиоактивные осадки. Непосредственно после взрыва были уничтожены 3 деревни – Орловка, Елшанка и Маховка, которые находились в 5-6 километрах от взрыва. Собраны свидетельства независимыми экспертами, что многие жители прилегающих к полигону территорий не были предупреждены об опасности и тем утром выходили на сельскохозяйственные работы непосредственно в зону поражения. Тут были и пастухи с коровами, и крестьяне на покосе, и просто зеваки. В результате не менее 20 человек было сожжено заживо атомным огнём и официально они были занесены в списки пропавших без вести. В момент взрыва по всему небу, как отмечали очевидцы, разлилось яркое бело-розовое сияние, на несколько секунд затмившее солнце. Это был страшный неземной свет.

По официальным данным в настоящее время радиационный фон в районе эпицентра взрыва в норме, однако, никто не изучал, как изменялся уровень радиации с момента взрыва, что происходило со здоровьем людей, которые после атомного кошмара 1954 г. никуда не уезжали с насиженных мест.

Страшно представить, что тысячи солдат дышали радиоактивной пылью, поднятой чудовищным взрывом в воздухе. Затем в течение 10-15 лет подавляющее большинство из них ушло из жизни в молодом возрасте.

Ещё в 1999 г. совместным решением Минобороны

Тяжело в учении - легко в бою

и Минатома РФ было объявлено, что никаких экологических или медицинских проблем, связанных с последствиями испытания ядерного оружия под Тоцком в 1954 г., более не существует. Однако было бы справедливо, если бы людей, переживших атомный кошмар, признали бы жертвами радиационного облучения.

Мой дедушка – оптимист. После службы в армии, работы на шахте, где он был взрывником, он ещё много лет проработал экскаваторщиком – строил рисовые системы, перенёс несколько сложных операций. Сейчас, на пенсии, у него есть хобби – он теперь пчеловод.

И в годы те в морях дороги наши были...

Мой дядя, Фоменко Андрей Иванович, служил в армии с 1992 по 1994 г. Его служба проходила в ВМФ на Северном флоте на Кольском полуострове, в г. Североморске.

Одно из наиболее ярких событий в службе дяди Андрея это поход на Кубу. Чтобы психологически подготовить матросов к дальнему походу, капитан корабля предварительно подготовил родителей. И ещё до похода у него были письма для ребят, которые он затем выдавал постепенно, чтобы облегчить дальний морской поход.

На обратном пути, на камбузе не хватило соли, что очень тяжело сказалось на здоровье матросов. Чтобы понять, насколько тяжелы дальние плавания, нужно сказать, что после завершения миссии с каждым из матросов работал психолог.

С 1976 по 1980 г. в ВМФ служил дядя Володя. Начало его службы проходило в учебном отряде в г. Кронштадт, на Балтийском флоте. Затем службу он продолжил на Черноморском флоте в г. Севастополь. Несение боевой службы на противолодочном кора-

бле «Деятельный».

Основная задача в боевых походах заключалась в слежении за авианосцами стран НАТО. Дядя Володя рассказывает: «Основная служба проходила в Средиземном море. Велись наблюдения за американскими авианосцами: Нимитц, Мидуэй, Киттихок, Эйзенхауэр (рис. 1). Самолёты этих кораблей несли на борту ядерное оружие и могли за считанные минуты достичь южных границ СССР.

В конце 1979 г. выполняли ответственную задачу – прикрытие ограниченного контингента войск в Афганистане с моря в Индийском океане. Противолодочный корабль «Деятельный» был в водах Индийского океана, Средиземного моря, Суэцкого канала. Во время походов моряки посетили страны: Тунис, Югославию, Болгарию. Особенно сильное впечатление на нас произвели города Варна, Дубровник. В Тунисе, в городе Лагулет, сыграли товарищеский матч по футболу с местной сборной командой. Местные жители были в восторге от общения с русскими моряками. Совершали короткие ознакомительные визиты и на американские корабли. Во время общения с людьми за границей пропагандировали образ жизни в СССР».

Владимир Григорьевич Ильин служил в должности старшины первой статьи, занесён в книгу Почёта части.

Десантники

Одним из увлечений в нашей семье являются занятия спортом. Мой папа Фоменко Олег Иванович и дядя Фоменко Александр Иванович, ещё учась в школе, увлекались лёгкой атлетикой, волейболом, баскетболом. О себе они не особенно любили рассказывать, а бабушка вспоминает, что перед занятиями в школе успевали сделать основательную зарядку, про-

бежку. И нужно сказать, что их отличная физическая подготовка не осталась незамеченной. По призыву в армию они оказались в десантных войсках (рис. 2).

Дядя Саша служил в армии с 1989 по 1991 год. Учебно-тренировочную подготовку он проходил в Узбекистане, в г. Чирчик. Здесь понадобились и выносливость, и физическая сила, и терпение. Службу лёгкой назвать было нельзя – прыжки с парашютом, мощные физические нагрузки. Дальнейшую службу дядя Саша проходил в г. Псков в разведывательной роте ВДВ.

В семейном архиве хранятся документы моего отца – военный билет, удостоверение личности, в которых можно посмотреть, как он работал после прохождения срочной службы. Дело в том, что папа не представлял себя вне армии. В апреле 1986 года ему было присвоено воинское звание прапорщик, затем старшина роты, несколько лет он проработал начальником хранилища воинской части и в 1993 году стал старшиной парашютно-десантной роты. Во время службы он старался не терять спортивной формы – всегда был стройным, подтянутым, аккуратным.

В обязанности старшины входила подготовка вновь прибывших ребят к нелёгкой службе десантника. Солдаты учились складывать парашюты, тренировались на тренажерах, готовились к настоящим прыжкам (рис. 3). Папа рассказывал, как трудно было преодолеть первый раз страх перед высотой, да и в дальнейшем всегда испытывал волнение, но теперь ещё и за своих подопечных. В часть попадали и ребята из нашей станицы. Дик Олег Иванович и сейчас вспоминает, какой ценной оказалась на тот момент поддержка земляка, наставника и старшего товарища. Он вспоминает: «Нас привезли для учебно-тренировочной подготовки, построили и велели подождать дальнейших распоряжений. Через несколько минут к нашей группе подошли два офицера и один из них спросил: «Дик Олег здесь?». У меня тревожно забилось сердце. Но офицер снял тёмные очки, и я узнал в нём земляка. Передо мной стоял высокий, сильный, красивый, улыбающийся человек. Он одобряюще похлопал меня по плечу, подмигнул: «Всё будет нормально, ребята». Мне тогда показалось, что у меня выросли крылья».

Служба проходила в республике Литва. Мои папа и мама очень полюбили этот край – леса, чистые речки, рядом добрые друзья и единомышленники. Здесь он увлёкся охотой. Всегда с восторгом рассказывал о природе тех мест. Мы смеялись над его рассказами о том, как во время высадки десанта солдаты попадали на болото, там они задерживались надолго, затем выходили и с честными глазами утверждали, что заблудились, но испачканные черникой рты говорили сами за себя.

Папа награждён медалью «За отличие в воинской службе».

Затем наступила перестройка, события, происходившие во многих республиках СССР, привели к тому, что воинские части возвращались в Россию.

После выхода в отставку, отец не оставил служения Родине, он был членом казачьей дружины, заместителем атамана Черноерковского ХКО, внештатным сотрудником милиции. Основная задача сотрудников была – охрана общественного порядка, защита государственной границы Славянского ГКО(Р) Таманского казачьего отдела.

Заключение

Перед современным обществом стоит важная задача – воспитание нового поколения. Часто слышатся высказывания о том, что для многих людей в настоящее время такие понятия как честь, достоинство, стыд ничего не значат. Люди не видят границы между раскованностью и распущенностью, шалостью и жестокостью, не понимают, что такое хорошо и что такое плохо. Это действительно есть в нашей жизни, но есть и много хорошего.

Я учусь в классе казачьей направленности, наш класс принимает участие в различных соревнованиях, военно-спортивных эстафетах. И наша школа не остаётся без наград в различных видах спорта – по стрельбе, метанию ножа, волейболу.

Кроме всего прочего мы стараемся быть активными во всех школьных мероприятиях – концертах, уроках мужества, театральных представлениях.

Хотелось бы, чтобы у людей старшего поколения менялось отношение к молодёжи. Очевидно, что большая часть юношей и девушек обладают широким кругом интересов, бьющей через край энергией, которую необходимо направить в нужное русло. Думаю, рассказ о военном прошлом моих родных заставит другими глазами взглянуть на тех, кто находится с вами рядом. В жизни каждого человека есть положительный опыт, который кому-нибудь может пригодиться. И те ребята, которые стремятся уклониться от службы в армии должны понимать, что гордиться им будет нечем и нечего будет показать и рассказать своим детям.

Я.О. Фоменко,

ученица 11-го класса МБОУ СОШ № 48,
станицы Черноерковской

Список использованных источников и литературы

1. Архив семьи Фоменко О.И.
2. Архив семьи Ильина Г.Ф.
3. Еженедельник Тайны XX века.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ТЕКСТА» СВАДЕБНОГО ОБРЯДА СТАНИЦЫ ЧЕРНОЕРКОВСКОЙ

◀ ▲ Реконструкция свадебного обряда.
Этнографический комплекс Атамань,
Темрюкский район 29 апреля 2013 г.

гуля'ть(отбува'ть) сва'йбу означало не только празднование, но также строгое следование устоявшемуся обрядовому сценарию, что, по народному поверью, способствовало благополучию новой семьи, плодovitости молодых, плодородию земли.

В рамках нашего раздела с помощью этнолингвистического анализа попытаемся реконструировать модель традиционного архаичного свадебного обряда станицы Черноерковской. Материалом для исследования послужили диалектные тексты, записанные от старожилов населенного пункта. Исследование строится на материале одного поселения не случайно. Так мы избежим некоего общего обзора и попытаемся представить модель конкретного варианта многоликого обряда Кубани.

Свадебный обряд рассматривается нами как культурный текст, семиотика которого представляет собой единство различных кодов: вербального, акционального, персонажного, музыкального, растительного, кулинарного и т.д. С точки зрения этнолингвистики текст предстает «как семантическое целое, как поле смыслового напряжения, в котором актуализируются значения, заложенные в каждом отдельном компоненте текста, а разные по своей природе знаки «поддерживают» друг друга и взаимно усиливают свой семантический

Традиционный архаичный свадебный обряд Кубани представляет собой сложную организованную систему, в которой все компоненты – вербальные, предметные, акциональные – несут определенную смысловую нагрузку. К сожалению, в наше время не многие знают или догадываются о глубоком значении тех элементов обряда, которые еще соблюдаются. Надо констатировать, что содержательная часть обряда практически утрачена. Сегодня свадьба чаще всего воспринимается как празднество по случаю вступления в брак, а в более ранней традиции одной из основных целей свадебного обряда было признание брака социумом (казачьей общиной). Традиционный свадебный обряд Кубани, как, впрочем, и все варианты восточнославянской свадьбы, представляет собой импровизированный спектакль, подчиненный единому сюжету. Кубанское выражение

потенциал» [Толстая 2006: 7]. Описание архаичной свадебной традиции станицы Черноерковской представляется нам возможным лишь при сопоставлении текста кубанского обряда с обрядовыми текстами материнских культур, что позволит, с одной стороны, выявить исходную базу, с другой стороны, увидеть пласт инноваций в локальном обряде. Под материнскими культурами понимаются исходные традиции, на базе которых формировалась культура Кубани.

Основой для развития культурной традиции станицы Черноерковской, расположенной в северо-западной части Кубани, послужила малорусская культура, поскольку эти земли осваивались преимущественно запорожскими казаками и переселенцами из Украины. Однако в ходе приспособления к новым условиям и под влиянием традиционных культур других этносов, пред-

рода невесты, – представители которых перебрасывались шутками, приговорами, пели корильные песни в адрес друг друга. Отношение свой-чужой в свадебном обряде станицы отражено также в таких обрядовых действиях, как выкуп, побег молодой в дом родителей после венчания, раздельное празднование свадьбы родственниками жениха и родственниками невесты, хватание бутылки со сладким напитком. Мотив разделения закреплен и в обрядовой терминологии станицы: ниве'стынобря'д (обрядовые действия, совершаемые в доме невесты); жэныхи'вобря'д (обрядовые действия, совершаемые в доме жениха); сторона' ниве'сты (молодо'й), свийрид (род) (гости в доме невесты); сторона' жэныха' (молодо'го) (гости в доме жениха); дары'ть своей во'дкой, своей ши'шкой, дары'тьсвоей'м хле-бом, дары'тьна'шим хлебом (угощать приглашенных во время дарения хлебным изделием в форме шиш-

▲ Реконструкция свадебного обряда. Этнографический комплекс Атамань, Темрюкский район 29 апреля 2013 г.

ставители которых также заселяли станицу, например, переселенцы из южнорусских земель, исходный обряд подвергался изменениям.

Надо отметить, что в целом для свадебной обрядности поселения характерны семантические особенности общеславянского обряда, однако часто для выражения этих смыслов в кубанской традиции употребляются оригинальные средства, неизвестные родственным традициям. На всех уровнях свадебного обряда станицы Черноерковской прослеживаются такие общеславянские мотивы, как переход (в новый статус), разделение (свой-чужой), соединение, плодородие. Кроме того, каждое действие пропагандировало соблюдение общечеловеческих моральных устоев, уважение к представителям старшего поколения, хранение домашнего очага, необходимость продолжать свой род.

Одной из основных семантических составляющих обряда является противостояние свой-чужой, воплощенное в противостоянии двух родов – рода жениха и

ки, испеченным в доме невесты); дары'тьсвати'вскимхле'бом(угощать приглашенных шишками, испеченными в доме жениха).

Противоположный мотиву разделения мотив соединения является более весомым. В первую очередь он представлен в тех элементах обряда, в которых производится ритуальное действие связывания (перевязывание руки жениха платком, связывание рук молодых при венчании, связывание двух деревянных ложек, которые кладут в дивень). Соединение символизировали также следующие действия: жених и невеста за свадебным столом ели из одной тарелки, одной ложкой, пили из одного стакана; сваты со стороны жениха и со стороны невесты обменивались хлебом.

Мотив перехода находится в тесной связи с мотивом разделения. Действия, в которых он отражен, символизируют смену социального статуса молодых и перемещение из «своего» пространства в «чужое». Идея перехода проявляется в преодолении поездом жениха ряда

► ▼ Реконструкция свадебного обряда. Этнографический комплекс Атамань, Темрюкский район 29 апреля 2013 г.

дбать, розбыва'тькосте'р, идты за ши'шкой, клы'катышишка'мы, просы'тьмэ'да, нэсты' флах, чеса'тьма'тир, мэсты' горо'д, удивать у цвиты,сухы'йвэ'чир, мо'крыйвэ'чир и т.д.

Нередко изменения наблюдаются на уровне семантики исконного термина. Например, диалектизм молоді'ть употребляется в говоре станицы Черноерковской в

значении «выходить замуж; быть молодой на свадьбе»; соответствующий украинский глагол молоді'ти обладает в исходном языке более расширенным значением: «Молодіти – быть молодым или молодою в дни свадебных торжеств, также от дня венчания и до дня свадебного обряда, так как последний совершался часто через значительный промежуток времени после церковного венчания, причем обвенчанные живут отдельно и все это время молодіють» [Гринченко 1908:II: 442].

Одной из специфических черт кубанской свадьбы является контаминация исходных терминов или их значений. Например, неоднозначные ответы информанты дают по поводу обрядовых функций свадебных чинов свитылки и мальчика. Некоторые информанты отмечают, что свитылка – участница со стороны невесты; маленькая девочка, которая сидела рядом с невестой за свадебным столом и требовала выкуп с молодого за место – Як выкуп, свитылочкацяпродает... Свитылочка возле невесты, а мальчик, если ёго родня, возле жэныха(Панасенко А.И., 1924 г.р.).В украинской традиции світи'лка – это свадебный чин со стороны жениха; девушка, исполнявшая обряд держания свечи и меча; обычно роль свитылки доставалась сестре жениха или другой ближайшей родственнице [Гринченко 1909:IV: 109; Жайворонко 2006: 528]; а место рядом с невестой продавали ее братья или родственники [Маркевич 1860: 124]. В этом случае в кубанском обряде мы наблюдаем контаминацию исконных обрядовых функций свитылки и брата невесты.

Часто лексемы словаря исходных обрядов в кубанской традиции получают новые значения или элементы значений. У всех восточных славян распространена традиция давать невесте в приданое сундук. Как правило, для номинации этой реалии употреблялись лексемы границ (ворот, порога дома невесты), а также в воз-растании активности невесты с развитием обряда, что символизирует переход девушки в новую жизнь.

Ряд ритуалов кубанского свадебного обряда связан с идеей продолжения рода. В славянской мифологии плодородие человека нередко приводится в соотношении с плодородием земли [Потебня 2000: 58], что также наблюдается в обряде станицы Черноерковской. Молодых осыпали зерном и хмелем, в ходе обряда проводились различные ритуальные действия с хлебом: обмен хлебом, одаривание гостей шишками, перевязывание шишки после брачной ночи.

В итоге исконный свадебный обряд станицы Черноерковской не утратил семантических особенностей общеславянской традиции, однако часто для выражения этих смыслов в кубанской свадьбе употребляются инновационные средства, которые отличают ее от обрядов родственных культур. Локальные новообразования появляются на всех уровнях обряда. К инновациям акционального плана следует отнести обычай разрезать хлеб на сватовстве; готовить каравай из множества фигурок птиц и шишек, а не в виде цельного хлеба; одаривать родителей невесты печениями в форме гребня и бочонка; перевязывать шишку красной лентой в знак «честности» невесты и т.д. Предметный код кубанской свадьбы дополняется такими новшествами, как гребень и бочонок из теста, дывень нетрадиционной для украинского обряда формы. Одной из особенностей персонажного кода является участие в обряде лиц, не имеющих соответствий в исконных обрядностях, например: посо'л, сто'рож, часовы'й, охра'на.

В связи с возникновением множества локальных новообразований в словаре кубанского свадебного обряда появляется ряд терминов, неизвестных исходным традициям: свайбы'ця, сочиня'тьсвайбу, ричь-

Гильце - свадебное дерево

сунду'ки скры'ня(скри'ня). В станице Черноерковской лексемы употреблялись для наименования предметов, отличавшихся по конструктивным признакам. Скрыня по сравнению с сундуком характеризовалась более сложной конструкцией и богатым убранством и была частью приданого богатой невесты – Скрыня – як у нас сундук. И в нас скрыни булы. Если в достатку невеста, так батько й маты ны сундук ейисобырають, а скрыню. Сундук – тико крышка и внызу ящик. А скрыня – оцэ крышка, а там, дэ бряско'льчикывысыть, отамцэ два ящичка будэ. А тудибудэ той трэтий ящик внызу, шоквонный, такыйжэ самый (Стежко М.С., 1923 г.р.).

Некоторые понятия материнского обряда неизвестны кубанской традиции. Одной из причин появления таких лакун является исчезновение в кубанском обряде ряда обрядовых действий или реалий, распространен-

ных в исходных традициях. Например, в силу различных причин в станице сокращено количество предсвадебных встреч. Так, отказались от ритуального осмотра хозяйства жениха, номинируемого в исходном украинском обряде термином оглядини.

Анализируя обрядовую терминологию станицы Черноерковской, можно наблюдать влияние на кубанский обряд свадебных традиций других этносов. В словаре кубанской свадьбы нами отмечен термин рушныкы', употребляемый для наименования договора. В исходной украинской традиции мы не зафиксировали соответствующей лексики для вербализации данного ритуального акта, хотя в станице термин рушныкы' является, по утверждению информантов, более ранней номинацией ритуала, чем общсл.договор. Возможно, этот термин появился в кубанской обрядности под влиянием южнорусской традиции. В некоторых районах Курского края соответствующий обычай называли брать рушники или приходиться за рушниками. Там во время сговоров невеста и ее мать перевязывали родственников жениха полотенцами [Ларина 1990: 24].

К особенностям кубанского обряда следует отнести также то, что в одном номинативном ряду нередко имеет место сочетание терминов украинского и русского происхождения, например: квітчат'конэй – украшать конэй; клыкать – пригласять.

В заключении повторим, что свадебный обряд станицы Черноерковской воплощает основные смыслы общеславянской свадьбы. Не утратил кубанский локальный обряд и национальную специфику материнской украинской традиции. Однако своеобразие кубанской свадьбы особенно явно выражается в большом количестве новообразований, появляющихся на всех уровнях (кодах) обряда. Эти вопросы требуют отдельного более подробного рассмотрения.

О.С. Финько,
канд. фил. наук, преподаватель
кафедры иностранных языков
филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани

Список использованных источников и литературы

1. Гринченко, Б.Д. Словарь украинского языка: в 4-х т. / Б.Д.Гринченко. – Киев, 1907-1909. – Т. 1-4.
2. Ларина, Л.И. Терминология свадебного обряда Курского региона в этнолингвистическом аспекте: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.И. Ларина; Курск. гос. ун-т. – Курск, 1990. – 241 с.
3. Маркевич, Н. Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян / Н. Маркевич. – Киев, 1860. – 174 с.
4. Потеня, А.А. Символ и миф в народной культуре / А.А. Потеня. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
5. Толстая, С.М. Предисловие / С.М. Толстая // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. [Вып. 10]. – М.: Индрик, 2006. – С. 7 – 9.
6. Жайворонок, В. Знаки української етнокультури: Словник-довідник / В. Жайворонок. – Киев: Довіра, 2006. – 703 с.

СИМВОЛИКА СИНЕГО ЦВЕТА В ТЕКСТАХ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Феномен цвета исследуется в различных направлениях и представляет предмет многих научных дисциплин (физики, химии, психологии, лингвистики). Как любая другая объективная информация о мире он, прежде всего, выражается посредством языка и проходит культурно-историческое переосмысление.

Символика цвета, его восприятие и интерпретация в языке представителями разных этносов имеет существенные различия. Их характерные особенности полнее всего представлены в фольклорных текстах. В них индивидуальное авторское предпочтение уходит на второй план, уступая коллективным чертам народной самобытности.

Колоратив «Синий» относится к группе простых хроматических цветов [5: 279], причисляется к так называемым «холодным» цветам [6: 249]. Известный исследователь цветосимволики Н. В. Серов в своей книге «Цвет культуры» отмечает наименьшую материальность и «чувственность» синего цвета, его сильное духовное очарование; «в канонах христианства синим цветом изображается престол Бога-Отца» [6: 249].

Как элемент цветовой символики русского фольклора синий цвет выступает атрибутом «чужого пространства», характеризует персонажей народной демонологии [7: 640], символизирует печаль [9: 102].

Прилагательное *синий* – древняя, общеславянская лексема, родственная корню «сиять» [8: 624], имевшая в своей словарной статье не только значение «синий», но значения «темный», «черный» [10: 163]. Исследователь истории цветообозначений в русском языке Н. Б. Бахилина также отмечает, что лексема *синий* использовалась как колоратив для наименования не только различных оттенков синего цвета, но и темных, и даже черных объектов. Объясняется этот факт его происхождением. Ученые предполагают, что в лексеме *синий* сохранилось значение 'относящийся к свету', 'блеску', но не 'блестящий', 'сверкающий', а напротив, 'темный', 'тусклый', 'лишенный блеска' [1: 176].

Для анализа словоформ прилагательного «синий» в рассмотренном корпусе «Северных сказок»

Н. Е. Ончукова за основу берется модель составления концептограммы, разработанная курскими исследователями. Данная модель представляет собой поэтапное составление алфавитных, частотных словников, конкордансов. Результаты конкордансов представлены в компактном виде концептограммы, отражающей все лексические связи исследуемых лексем: А – атрибутивные связи; S – субстантивные связи; Vo – глагольные связи, в которых прилагательное является дополнением; знаком '=' обозначаются варианты лексемы [2: 10-11].

синий 69

=: синё, синь, сини

A: (синь да) хорош 1

S: кафтан 6, кафтанчик 1, колпаки 3, море 51, морюшко 2, ножки 3, сукна 1

Vo: быть 1 (синё под глазом)

Составленная концептограмма выявляет наличие трех видов лексических связей прилагательного *синий*: атрибутивные, субстантивные и глагольные связи, в которых колоратив реализует себя в качестве дополнения. Очевидно, что слово-понятие «синий» в русских сказочных текстах из собрания Н. Е. Ончукова вербализуется только с помощью колоратива *синий* и его вариантов *синё, синь, сини*. Учитывая сложность и неоднозначность содержания этого слова, целесообразно рассматривать символическую нагрузку каждого отдельного эпитетосочетания, большинство из которых являются устойчивыми атрибутивными комплексами.

В русских сказочных народных текстах господствует эпитетосочетание *синее море*. В исследованном корпусе нами обнаружено пятьдесят три случая его употребления, включая варианты: *синее морюшко, синё море, синё море*. Эпитетосочетание характеризуется разнообразными глагольными связями, позволяющими детально исследовать его символику:

синее море – субъект: всколыбнуться (1);

синее море – объект: переплыть с. м. (2), переехать с. м. (1);

синее море – обстоятельство: выезжать на с. м. (1), выйти из-за с. м. (4), дойти (добежать) до с. м.

(2), достать из-за с. м. (1), отправляться за с. м. (2), спустить(-ся) в с. м. (8), свалить в с. м. (4), пасть в с. м. (2), перелететь за с. м. (2), (по)бегать (побежать) за с. м. (5).

В русской фольклорной традиции море — лексема высокой частоты употребления, возглавляющая лексико-семантическую группу «вода», называющая также и другие водоемы — озеро, река. Курские лингвофольклористы, исследуя былинные и песенные тексты, пришли к выводу, что море — «граница, отделяющая Русь от чего-то враждебного» [9: 99]. Фольклорные жанры хоть и специфичны, но все же обнаруживают между собой неразрывные связи и представляют черты единого самобытного народного портрета. Учитывая это, следует обратиться к анализу контекстуальных примеров эпитетосочетания *синее море*.

В сказках прилагательное *синий* является единственным эпитетом, характеризующим море (в пятидесяти трех из ста пятидесяти шести случаев употребления лексемы море). В отличие от былинных и песенных текстов, где лексема море описывается целым рядом эпитетов (*славное, черное, глубокое* ...), среди которых первое место по количеству употреблений занимает колоратив *синий* [9: 101].

Цветобозначение *синий* в сочетании с лексемой *море* усиливает характерную для него коннотацию отдаленности, враждебности, присущей большинству анализируемых контекстуальных примеров: Тогда задумала она снарядить корабли, искать виноватого за *синёе море* [11: 9]. Символический смысл отдаленности, неизведанности, обозначение границы своей и чужой территории, усиливается в сказочном повествовании ассоциативными рядами с исследуемым колоративом — ‘сине море’ / ‘огненная река’, ‘сине море’ / ‘чистое поле’: *Потом опеть и поехал дальше за синёе морё, за огненну реку* [11: 175]; *он хочет достать из-за синёго моря, из-за огненной реки царь-дивизию* [11: 174]; *Подите слуги в чистое поле, пройдите чистое поле, синёе море в корабли переплывите* ... [11: 5]. Край синего моря разделяет привычный, родной для сказочных персонажей мир с далекой пугающей чужбиной, таким образом, сочетания ‘на краю синего моря’, ‘за сине море’ приобретают дополнительное со-значение — ‘очень далеко’: *А край синяго моря есь избушка, ей отведут в избушку* [11:11]; *Вывели царевну, посадили на корету и повезли край синяго моря* [11: 11].

Эпитетосочетание *синее море* характеризуется в сказке и как неизведанная опасная пучина. Она может таить в себе чудовищ: *Тогда Елизавета опустила обратно чудовища в сине море* [11: 111];

Вдруг всколыбнулось сине-море, и выходит из него чудовище поганое [11: 110]; *Свезли, оставили Елизавету Агапеевну у синя моря чудовищу морскому на съедение...* [11: 110]; *Говорит царевна: «Вот, доброй молодец, змей вышол из синёго моря, съест нас»* [11: 11]; или укрывать сказочного героя от беды, от наказания за содеянное: *...вернулса щукой-рыбой, спустился в синёе море* [11: 4]; поглотить следы преступления: *... а Фёдор Водович подскочил, смахнул своей саблей вострой у его три головы, а туши и головы в синё морё свалил* [11: 11]; *«Не скажешь, я тебя сичас убью, платье содеру, тебя в синё морё свалю»* [11: 12].

Однако не все контекстные употребления сочетания *синее море* можно свести к упомянутым символическим смыслам. Подобно характеру русских песенных и былинных текстов выражение *сине море* используется в сказках для обозначения водоемов, гораздо меньших по объему, чем море — озеро, река. В таком случае *синее море* воспринимается героем как нечто обыденное, в котором привычно поить скот: *А у царя слуга гонил лошадей на синё морё поить* [11: 12]; *Он поутру рано стал, да ко синёму морю погнал коров поить* [11: 12].

В песенных текстах и произведениях художественной литературы *синий* цвет обладает, помимо уже упомянутых, коннотацией грустного настроения, лирической задумчивости. В отличие от них в сказке выявлено однократное использование подобного символического смысла синего цвета: *Тогда дочь сказала: «Любезный мой папилька, дай мне посленныж ищэ со своима служанками к синему морю сходить, погулять»* [11: 24];

Согласно составленной концептограмме *синий* цвет присущ предметам одежды героя: кафтан (кафтанчик), колпаки. Эпитетосочетания *синь кафтан* (7), *сини колпаки* (3) обладают гораздо более низкой частотой употребления в сравнении с сочетанием *синее море* (53). Они используются преимущественно не в сюжетных сказках, а в сказочных прибаутках: *Дали мне синь кафтанчик дали фуражоцьку, перцятоцьку, кушацёк, сапожки, жолту чашку, красну ложку* [9: 27]; *Прискакали Ермаки, сини колпаки* [11: 27]; *Дали лошадку леденую мни, сёдло соломенно, плётку горохову, синь кафтан, красну шапку* [11: 131]. *Синий* кафтан и красная шапка характеризуют бравого сказочного героя — удальца, которого в прибаутках чаще описывают в шуточной форме. В книге Н. Б. Бахилиной «История цветообозначений в русском языке» высказывается предположение о том, что *синий* цвет одежды для определенного периода времени воспринимал-

ся как праздничный, как цвет дорогой городской одежды. Связано это с тем, что долгое время в России было трудно с синими красителями, они были привозными и довольно дорогими. Но, несмотря на недостаток в синих красителях, *синий* цвет в одежде, вообще окрашивание в синюю краску было очень распространено на Руси уже в древности [1: 181]. В сказочном тексте есть однократное использование синего цвета в отношении праздничной ткани — *синие сукна: Когда повели венчать, стелили сукна красны, зелены, сини* [11: 17]. Эпитетосочетание *синь кафтан* обнаружено не только в сказочных текстах. Согласно конкордансам курской народной песни и песен Архангельской губернии, кафтан — это единственный предмет, характеризующий колоративом *синий* [3: 204; 4: 256].

Что касается выявленного концептограммой сочетания *сини ножки*, а также сочетания *синё под глазом*, то согласно истории колоратива *синий* уже на начальных этапах своего развития он использовался в описании внешности людей для обозначения синеватого оттенка кожи озябшего, побледневшего человека, избитого или пораненного, кровоподтеков, ушибов [1: 175]: *Пну тебя под гузно, дак будёт синё под глазом* [11: 5]. Однако очевидно что, в выбранных сказочных контекстах употребление синего цвета в отношении человеческого тела оправдано не столько содержанием, сколько рифмой в пределах прибаутки: *сидели Ермошки, сини ножки, и говорят* [11: 27].

Таким образом, этнические особенности реализации прилагательного «синий» в русских народ-

ных сказках заключаются в характере символических смыслов выявленных устойчивых выражений, включающих колоратив *синий*. Прежде всего, это символический смысл отдаленности, опасности в сочетании *синее море*. Этот символический смысл уходит корнями в глубокую древность, отражает мировоззрение народа раннего этапа его развития. Поэтому он обнаруживается не только в сказочных текстах, но и в других текстовых фольклорных элементах (народных песнях, былинах). При сопоставлении с описанными выше символическими смыслами малоупотребимых сочетаний (*синь кафтан, сини колпаки, сини ножки, синё под глазом*) *синее море* является наиболее глубокой и символической реализацией лексемы «синий». Пройдя довольно долгий путь развития от обозначения не только синих, но темных, черных тонов, колоратив *синий* метафорически раскрывает свое значение в каждом примере сказочного фольклорного повествования.

Е.Н. Девицкая,
преподаватель кафедры иностранных языков,
старший лаборант лаборатории
этнолингвистических и этнопедагогических
исследований филиала КубГУ
в г. Славянске-на-Кубани

Список использованных источников и литературы

1. Бахилина, Н. Б. История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина // М., 1975.
2. Бобунов, А. М. Контрастивный словарь языка русского и английского песенного фольклора как база кросскультурного исследования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. / А. М. Бобунов. — Курск, 2012.
3. Бобунова, М.А. Конкорданс русской народной песни: Песни Архангельской губернии / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. — Курск, 2008.
4. Бобунова М.А. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. — Курск, 2007.
5. Мишенькина, Е. В. Специфика восприятия русскими и англичанами групп ахроматических и хроматических цветов в языковой картине мира / Е. В. Мишенькина // Ярославский педагогический вестник: Т. 1 (Гуманитарные науки). — № 4. — 2010.
6. Серов, Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. — СПб., 2003.
7. Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. — М.: Международные отношения, 2009. — Т. 4.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка в 4-х томах / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — М.: Прогресс, 1987. — Т. 3.
9. Хроленко, А. Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А. Т. Хроленко. — Курск, 2008.
10. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка, М., 1999. — Т. 2.
11. Ончуков, Н. Е. Северные сказки / Н. Е. Ончуков // Полн. собр. рус. сказок: в 2 кн. — СПб, 1998.

РОД КИЯШКО В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

В условиях деструктивных тенденций современного российского общества, представляющих серьезную угрозу для сохранения целостности национального самосознания, особую актуальность представляют историко-генеалогические исследования, значение которых связано с обращением к истокам, проблемам национальной памяти, связи поколений и трансляции культурной традиции.

Настоящее исследование посвящено изучению малоизвестных страниц семьи Кияшко в контексте динамики исторических процессов Кубани.

Методы исследования опираются на исторический и системный анализ. Значительную часть работы составили поиски и комплексное изучение архивных документов и имеющейся литературы, материалы, собранные в ходе полевых работ с информаторами, а также элементы сравнительно-исторического, типологического методов, приемы анализа, обобщения, и систематизации материала.

Степень изученности данного вопроса ничтожно мала, поскольку сегодня процесс исследования казачьих родов на Кубани находится на самом низком уровне по причине крайне сложного поиска документальной информации, а иногда и ее прямого отсутствия.

Документальной основой настоящей работы явились большей частью материалы, хранящиеся в фондах Государственного архива Краснодарского края (ГАКК). Использовались также некоторые документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК).

В работе также использовались публикации в историко-архивном альманахе «Вестник архивиста Кубани» и публикации документов в сборнике «Православная церковь на Кубани» [3, 18]. При этом, конечно, стоит отметить, что опубликованные документы отнюдь не отражают большинства фактов социально-бытовой жизни семейных казаков. Дополнительным источником информации для данного исследования стала кандидатская диссертация доцента кафедры истории Украины Запорожского национального университета Л. Маленко.

Географически рамки работы ограничены ана-

лизом событий в Прикубанье (левобережная часть Кубани), Екатеринославской губернии, к которой позже были присоединены земли упраздненного Азовского казачьего войска. Кроме того, в исследовании затрагиваются факты, имевшие место на территории Забайкальского и Семиреченского казачьих войска.

Работа охватывает период с конца 1790-х гг. по 1917 г. Однако контекст исследуемых событий в некоторых случаях предполагает выход из этих рамок, для ясного представления событий упразднения Запорожской Сечи и расформирования казачьего войска. Само исследование структурно объединяет три сюжета: 1) представители рода Кияшко в Азовском казачьем войске; 2) переезд семьи Кияшко на Кубань после упразднения Азовского казачьего войска; 3) наиболее известные и знаменитые представители рода на Кубани.

Происхождение фамилии и первые известные представители рода

При оценке этимологического происхождения фамилии «Кияшко» следует рассматривать несколько возможных гипотез.

На окраинах контаминаций гутара и тюркских наречий было употребимо слово [к'ьяш] или (кияш) – в переводе означающее «солнце», что и могло сыграть роль в образовании первоначально прозвища-фамилии.

Фамилия Кияшко возможно имеет украинно-белорусское происхождение, на что указывает суффикс – КО. Более вероятно, что основой для этой фамилии послужило белорусское слово «кия» – «палка». Скорее всего, предок рода Кияшко был суровым, жестким человеком. Это были притяжательные прилагательные с суффиксами –ко, –енко, –ук, из-начально указывающие на прозвище отца [7].

Вначале XVI века, угнетенные рабскими условиями, крестьяне-крепостные бегут от барского гнета на Дон и Запорожье. Там создаются особые поселения, имеющие «вольную» форму правления и именующие себя «казаками». В области островной части Днепровских порогов, где и поселились «казаки», было образовано «государство», полу-

Начальник Войскового Штаба Кубанского казачьего войска генерал-майор А.И. Кияшко (сидит в центре в фуражке) с офицерами и казаками Черноморцами и 4-го Кубанского пластунского батальона 1911 год.

чившее название Запорожская Сечь. На Запорожье бежали, чтобы не работать на господ и жить «почеловечески». Морские походы или поиски казаков поражают своей смелостью и умением пользоваться различными обстоятельствами, отмечает Е.П. Савельев [19, с. 370]. Особенности географического положения Запорожья создали помимо земледелия, охоты и рыболовства еще один промысел, который больше всего определял собой физиономию низового казачества. Это – морские разбои, грабежи, которые всегда ссорили Запорожье с поляками [5, с. 21].

К XVIII веку в сечи стало исчезать давнее единство и братство. Это ослабляло возможность казачьей республики сопротивляться наступлению. Ярким свидетельством социальных проблем на Запорожье являются восстания неимущих казаков и обратные волны беглецов. Они переселялись на основанные российским правительством «слободы». Опасность этого хорошо понимал последний кошевой атаман Петр Калнышевский (1690—1803). По его распоряжению всех селян, что прибывали в Сечь, перестали записывать в казацкий реестр. Их расселяли «Слободами» на свободных землях, чтобы посторонние «не имели возможности влезать к тем местам». За время своего гетманства Калнышевский основал несколько сотен новых сел на землях Запорожья. Однако чтобы воспрепятствовать намерениям российского правительства, этого было недостаточно. В 1753 г. были предприняты попытки запретить запорожцам выбирать кошевого, но заставить сечевиков отказаться от этой давней традиции так и не получилось.

В 1775 г. по повелению Екатерины II Запорожская Сечь была разрушена, и часть оставшихся в живых казаков перешла в подданство турецкого султана, оправдывая свои действия стремлением к сохранению традиций и независимости [1, с. 17]. Турки ценили казаков за честность, смелость, храбрость и мужество. Казаки, да и казачки были грамотны, знали турецкий язык [2, с. 27]. Именно эти казаки, получившие название «задунайцев» и составили в будущем основу Азовского казачьего войска [23, с. 413].

Свою историю Азовское казачество ведет с 1827 года. В тот год был сформирован Дунайский казачий полк. Он состоял из задунайских запорожцев, которые во главе со своим кошевым О. Гладким в самом начале Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. перешли на сторону русской армии, оказав тем самым большое содействие лодочной флотилией при переправе через дунайские воды [25, с. 243]. 27 мая 1832 года из казаков Дунайского полка и бывших запорожцев, было образовано новое казачье войско, названное Азовским. Бывший дунайский полк был водворен по высочайшему повелению неподалеку от г. Мариуполя, на Бердянской пустоши [24, с. 440].

Согласно положению об Азовском казачьем войске в военное время оно обязывалось выставить: морской батальон, пеший казачий полубатальон и несколько (флотских) команд на мореходных лодках для крейсерства вдоль побережья Черного моря. Всего Азовское войско имело 10 конных сотен и вооруженную флотилию в составе 30 судов. В мирное время оно привлекалось к охране и обо-

роне черноморского побережья Кавказа и Крыма. В этом качестве войско участвовало в Кавказской войне, занимаясь крейсерством у берегов Черкесии. «В каждом укреплении находилось по две лодки,

Генерал-лейтенант Андрей Иванович Кияшко, 1910 г., г. Екатеринодар

но как число казаков, высылаемых на службу из их поселений с окрестности Азова, недостаточно для всех лодок, то для несения морской службы они были наполовину перемешаны с приученными к морю нижними чинами Черноморских линейных батальонов» [10, с. 283]. В 1830-е годы численность Азовского войска вместе с семьями составляла около 6 тысяч человек [25, с. 244].

Первый из известных нам представителей фамилии – Кирилл Кияшко – проживал в станице Петровской Азовского войска и, предположительно, до основания Азовского войска, был в числе «задунайцев». Вполне вероятно, что Кирилл принадлежал еще к числу «бывших запорожцев», однако в списках казаков Запорожской Сечи его имя отсутствует. Это дает повод утверждать, что он мог быть одним из тех екатеринославских крестьян, которые слились с остатками запорожцев, направлявшихся в Турцию.

О его сыне – Григории Кияшко – уже имеются

более точные сведения. Он родился в 1820 г. и проживал в станице Покровской Азовского войска со своей семьей, нес военную службу в морской пограничной страже, которая крейсировала вдоль берегов Черного и Азовского морей. Так же можно предположить, что Григорий принимал участие в военных столкновениях с горцами во время Кавказской войны, особенно на последнем ее этапе. В 1848 г. у него родился сын Илья, в 1851 г. Никита, а в 1855 - Евстафий.

Упразднение Азовского казачьего войска и переселение семьи Кияшко на Кубань

В 1863 г. правительством был утвержден план освоения Северного Кавказа, ставившего целью не только сломить сопротивление «туземцев», но и ликвидировать возможность такового в будущем [20, с. 21]. К переселению привлекались и азовские казаки, которые отчаянно сопротивлялись очередному переезду с обжитых земель [14, с. 32]. Именно поэтому высочайшим указом от 11 октября 1864 года Азовское казачье войско было упразднено. Его личный состав и знамена передали казачьим войскам на Северном Кавказе [4, с. 244].

В 1862 г. атаману Азовского войска было предписано собрать партию переселенцев по желанию в количестве 400 человек [26]. Через некоторое время число охотников увеличилось, и партия была расширена до 600 чел. «Переселенцы были собраны к исходу апреля в г. Бердянск, откуда они были направлены дальше на Кавказ по распоряжению Командующего войсками Кубанской области», - сообщал в своем донесении начальник главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенант Карцев [40].

Первая партия казаков-переселенцев выступила из пределов войска 26 апреля 1863 г. Она состояла из 190 семей станиц Петровской, Покровской и Никольской, в которых насчитывалось 976 душ обою пола. Возглавлял партию есаул Дмитрий Подгурский. В составе этой партии переселялась и семья Кияшко – Григорий со своими сыновьями [44, 45].

Маршрут следования переселенцев пролегал через Александровский и Ростовский уезды Екатеринославской губернии и земли Войска Донского. От Ростова-на-Дону переселенцы двинулись через станицы Аксайскую, Ольгинскую и хутор Новобатайский. Далее на границе с бывшей Черноморией переселенцев встретили специальные офицеры, и препроводили их до реки Кубань, переправу через которую осуществляли у Ново-Екатеринославского поста.

1 июня 1863 г. переселенцы вступили на берег Хабля и в тот же день стали размещаться внутри Хабльского станичного окопа на размеченных участках. Казаки Кияшко стали первопоселенцами и основателями образованной позднее станицы Хабльской [17, с. 142].

Почти сразу по прибытии казаки стали выбирать понравившиеся места и распахивать по пять-шесть нив или загонов в разных пунктах и направлениях. Переселенцы оставляли, таким образом, за собой более или менее значительное пространство земли, пригодной для хлебопашества. Начальство старалось обеспечить жителям станицы максимальные меры безопасности. Переселенцам указывались места, откуда они должны брать строительный материал, для того чтобы «они ездили за ним вместе и составляли из себя надежное прикрытие, а не раскидывались по одиночке по всей окрестности» [28].

На октябрь 1863 г. в станице было закончено строительство 184 домов, а незавершенными остались 24 строения, в том числе и дом казака Григория Кияшко [17, с. 145 - 146]. Из казны для завершения строительства он, в числе прочих казаков, получил 140 руб. серебром. Известно, что помимо дома у него имелись сарай и амбар, большой сад [48].

Все переселенцы по приказу начальства были определены по сотням для прохождения военной службы на месте. Вновь населенные станицы были разбиты на полки и сотни [21, с. 234]. Старший сын Григория – Илья – был зачислен в 1-ю сборную сотню с 15 ноября 1867 г., о чем свидетельствуют именные списки нижних чинов сотни [47].

6 мая 1879 года казак Никита Григорьевич Кияшко был обвенчан в станичной Покровской церкви с казачкой Варварой Ефремовной Петрушиной. Нельзя не отметить тот факт, что в строительстве церкви в 1867 г. участвовали и казаки Кияшко [18, с. 82]. Венчал их первый священник станицы, благочинный Абинского полка, о. Евфимий Тимофеевский, действительный член Кубанского областного статистического комитета [8, с. 213]. В силу особого социального положения казачества и специфического уклада его жизни семьи на Кубани были большими [15, с. 37]. Вместе со станичниками Никита принимал участие в Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг., за что был награжден особой медалью.

У старшего сына – Ильи – было трое детей: Иоанн, Мария и Андрей. Как вспоминал внук Ильи Иван Андреевич: «У семьи деда было большое животное хозяйство. Были и овцы, которых даже зимой выгоняли в степь». Овцеводство на Кубани имело

свое начало от первых черноморцев [13, с. 49]. У семьи Ильи Григорьевича был дом в станице Холмской (ранее называлась Хабльской) и потомственный земельный надел, на обработку которого по казачьей традиции выходила вся семья.

Как рассказывала жена Ивана Андреевича Кияшко Раиса Федотовна, у отца ее мужа был старинный кинжал, который привез с собой из Азовского войска Григорий Кириллович. Этот кинжал передавался по наследству старшему в семье. В свое время его получил и отец Ивана Андреевича. Но, к сожалению, в первое десятилетие Советской власти, когда все казачье население Кубани с беспощадной жестокостью уничтожалось и высылалось, Андрей Ильич Кияшко был вынужден скрыть старинную реликвию, чтобы не подвергать семью смерти. Предупрежденный

Кияшко Андрей Ильич (справа) 1890 г.р., ст. Холмская

накануне о грядущих обысках комиссаров он ночью выкинул в реку Хабль кинжал и шашки, надеясь тем самым спасти семью. И это, может быть, спасло семью от расказачивания и ссылки [62].

Знаменитые представители рода Кияшко на Кубани

Говоря о самых известных представителях рода, нельзя не упомянуть бывшего начальника штаба Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенанта Андрея Ивановича Кияшко и его брата – архивариуса войска, Ивана Ивановича Кияшко, которые внесли, действительно, очень большой вклад не только в историю Кубани, но и России.

Линия рода, к которой принадлежали братья Андрей и Иван, проживала в станице Иркиевской и прибыла на Кубань до колонизации Северного Кавказа. Но ясно одно – до переезда на Кубань эти две линии поддерживали самые тесные родственные отношения.

Андрей Иванович Кияшко родился 30 ноября 1857 года в Екатеринодаре. После окончания полного курса Кубанской войсковой классической гимназии Андрей Кияшко 14 сентября 1879 года поступил в 1-е военное Павловское училище, которое окончил по 1-му разряду и в чине старшего хорунжего 8 августа 1881 года вышел в Таманский конный полк, где занял должность полкового адъютанта. Однако спустя год по собственному желанию был отчислен из состава полковой канцелярии и назначен младшим офицером (субалтерн-офицером) 6-й сотни [50].

Императорскую Николаевскую военную академию генерального штаба Андрей Иванович окончил в 1891 г. с отличием. Более того, за «успехи в науках» 22 мая 1891 г. был произведен в есаулы и награжден 300 рублями на «первоначальное обзаведение лошадей со всеми принадлежностями» [58].

5 октября 1900 г. он назначается командиром 1-го Кавказского полка в Закаспийскую область, со штаб-квартирой в городе Мерве. Впоследствии старшие офицеры полка о нем отзывались не только похвально, но и во всех случаях приводили в пример. По их словам, в полку часто можно было слышать: «А полковник Кияшка сделал бы так... А Кияшка этого не допустил бы... А при Кияшке было так...» Говорили о нем как об умном, настойчивом и самостоятельном начальнике. В Мерве он избирается почетным мировым судьей Асхабадского окружного суда [12, с. 100].

С 1904 г. Кияшко принимал участие в Русско-японской войне, за заслуги в которой был награжден золотым Георгиевским оружием и рядом медалей.

22 апреля 1907 года А.И. Кияшко был произведен

в генерал-майоры. По расформированию полевых частей Манчжурской армии он был прикомандирован к штабу 2-го Туркестанского военного округа, а 2 февраля 1907 года Высочайшим приказом назначен атаманом Майкопского отдела [51].

23 декабря 1907 г. его назначили начальником штаба Кубанского казачьего войска [52]. Андрею Ивановичу не раз приходилось помогать в деле сохранения истории и документов, представляющих историческую ценность, своему брату – архивариусу войска Ивану Ивановичу. Так же начальник штаба всячески принимал участие в поддержании работы войскового музея, основателем которого являлся знаменитый кубанский историк и археолог Е.Д. Фелицын [16, с. 147].

На своей должности Андрей Иванович не раз вступал в полемику с корреспондентами и редактором «Кубанских областных ведомостей».

В первое десятилетие XX века в Екатеринодаре была достаточно активной деятельность группы союза анархистов-коммунистов. Прокламации, письма с угрозами, расправы были обычным делом. Получал такие письма и генерал. Вот одно из них: «Кияшко. Требуем от вас не писать черносо-тенно-хулиганских статей в Кубанских областных ведомостях». Ответ был коротким: «Считаю нравственным и служебным долгом сообщить «анархистам-коммунистам» и всякого рода «истам»...1. Не испугаете. 2. Не читать, не отвечать больше не буду. 3. Долг перед Царем и Родиной выполняю свято, со-гласно данной мной присяге» [57]. При некоторой жестокости, кубанцы отмечают авторитет и силу А.И. Кияшко, который без оружия останавливал погромщиков, предотвращал самосуд пьяной толпы, урегулировал конфликты, не допуская кровопролития.

В числе заслуг А.И. Кияшко перед Кубанской землей можно отметить его труды по строительству железнодорожного полотна между Екатеринодаром и Ахтарями, изменению формы Кавказских казачьих войск, устройству библиотеки при войсковом штабе из личных собраний генерала и главное – по установке памятника первым запорожцам, высадившимся в Тамани в 1792 г., строительство которого велось при самом непосредственном участии начальника штаба войска и было окончено в 1911 г. [12, с. 102]

Кубанские казаки отмечали, что генерал указывал на храм и школу, как на центры народной нравственности. Именно этим и обосновывается такая заботливость генерала в отношении религии и на-

родного образования. Читинская городская Дума предложила в 1916 г. избрать военного губернатора почетным гражданином города Читы [59].

В 1912 году Андрей Иванович был назначен губернатором Забайкальской области и наказным атаманом Забайкальского казачьего войска. Во время его работы на этой должности, он стал жертвой социалистов-революционеров, которые неоднократно совершали на него покушения [53].

После первого покушения последовали и новые попытки убийства генерала. По агентурным сведениям ущемленные каторжане Алгачинской и Куртомарской тюрем неизвестным образом связались с «профессиональными революционерами» - под-рывниками, которые наметили своей целью устранение любым путем Андрея Ивановича [54].

Из-за своей военной дисциплины и такого же принципа административного руководства обла-стью генералу неоднократно угрожали, о чем он сам сообщает в письме к директору департамента полиции С.П. Велецкому от 28 октября 1913 года: «Имею честь препроводить при сем копию донесе-ния помощника начальника Иркутского Жандарм-ского управления в Забайкальской области от 24 сего октября за №326, из которого видно, что Борис Дмитриев Марков бежал из места ссылки с целью покушения на мою жизнь».

За последнее время я довольно часто получаю анонимные письма с угрозой убить меня, если я не изменю своего направления и деятельности, но этим письмам я не придаю никакого значения» [55].

Хотя сам Андрей Иванович относился спокойно к попыткам разных лиц лишить его жизни, депар-тамент полиции вполне серьезно беспокоился за его жизнь. Например, когда Андрей Иванович собрался отправиться в Санкт-Петербург на время своего отпуска, к нему были приставлены специальные охранники, которые сменялись в каждой области. В их функции входила охрана генерала в пути сле-дования и при выходе его на станциях. Одеты они были неприметно, чтобы преступники не смогли их отличить от обычной свиты Андрея Ивановича [56]. Благодаря усиленной охране нападки со сторо-ны революционеров и каторжников прекратились.

Стараниями Андрея Ивановича в 1912 г. была на-чата работа по созданию герба и нагрудного знака Забайкальского казачьего войска, учитывая его бо-гатую предысторию с середины XVII в. [60]

За доблестную службу А.И. Кияшко был награж-ден орденами Св. Владимира 3 и 4 степеней, Св. Анны 2 и 3 степеней, Св. Станислава 1, 2 и 3 сте-

пеней. Кроме орденов в числе наград генерал имел медали светло-бронзовую за походы в средней Азии 1853-1895 гг., темно-бронзовую за труды по первой всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г., светло-бронзовую за участие в Русско-японской войне 1904-1905 гг., серебряную медаль, установленную в память 25-летия церковно-при-ходских школ [61]. Генерал Кияшко был зачислен 21 января 1917 г. в резерв чинов при штабе Казанского, а 18 февраля – Кавказского военных округов [9, с. 306 - 307].

21 июня 1917 г. Кияшко был назначен команди-ром 1-й Туркестанской казачьей дивизии. Позже он был назначен наказным атаманом Семиреченского казачьего войска и одноименной области, но много-летняя служба в разных климатических условиях подорвала здоровье атамана, и он принял решение вернуться на Кубань. В г. Ташкенте, который был в руках Красной армии, генерала арестовали и позже жестоко умертвили.

Заключение

История каждого казачьего рода Кубани уни-кальна. Естественно, что не в каждой семье сохра-нились реликвии или старинные фотографии. Но, что неоспоримо, многие из кубанских семей явля-ются потомками черноморских, азовских и других казаков, которым приходилось в XVIII-XIX вв. ос-ваивать эти в большинстве совершенно пустынные и безлюдные земли.

Данное исследование, конечно, не является пол-ным и исчерпывающим. Потребуется не один год, чтобы продвинуться вглубь истории, открывая все новые и новые страницы истории фамилии. За по-следнее десятилетие многие ученые и краеведы ста-ли заниматься исследованием отдельных казачьих семей, тем самым привлекая интерес общества к родословным отдельных родов, заинтересовывая казачьих потомков в изучении прошлого своих семей. Надеемся, что данное исследование внесет свой вклад в дело изучения и сохранения историче-ского наследия Кубани.

Н. В. Кияшко,
студент I курса Московской
Сретенской духовной семинарии

Научный руководитель:
Т. В. Коваленко, канд. филос. наук,
заместитель директора Южного филиала
Российского института культурологии?

Список использованных источников и литературы

1. Акимченков Г.Ф. Очерки истории родного края. Абинск, 1998. – 109 с.
2. Ведута В.Н. История Кубани. Краткий очерк. Программа спецкурса, планы семинарских занятий, темы рефератов, литература. – Краснодар, 1997. – 142 с.
3. «Вестник архивиста Кубани»: научный историко-архивный альманах № 7 / Упр. По делам архивов Краснодарского края, Краснодар. Краевое отд. Российского общества историков-архивистов. – Краснодар: Диапазон-В, 2012. – 200 с.: фото.
4. Виноградов Б.В. Кавказ в политике Государя Павла I (1796-1801 гг.) Практические опыты исторического регионоведения. Вып. 22. Армавирский госпединститут. Кафедра регионоведения и специальных исторических дисциплин.- Армавир; Славянск-на-Кубани, 1999. – с. 115.
5. Гольдентул И. Земельные отношения на Кубани: краткий очерк. – Репр. воспр. изд. 1924 г. – Краснодар: Традиция, 2009. – 144 с.
6. Горлова И.И. Манаенков А.И. Лях В.И. Культура кубанских станиц. 1794-1917. Исторический очерк. – Краснодар: Южная звезда, 1993. – 130 с.
7. Гуманитарный проект Ufolog.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ufolog.ru/names/order/Кияшко>.
8. Дело мира: очерки истории культуры и православия на Кубани / науч. ред. О.В. Матвеев. – Краснодар: Православный Екатеринодар: Традиция, 2009. – 304 с., [32] с. ил.
9. Залесский К.А. Кто был кто в первой мировой войне. Биографический энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 306-307
10. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи, том XVI, часть 1, Ставропольская губерния. Военно-статистическое обозрение Российской империи, том XVI, часть 10, Восточный берег Черного моря. Департамент Генерального Штаба. Справочник по Ставропольской епархии (обзор городов, сел, станиц и хуторов Ставропольской губернии и Кубанской области). Н.Т. Михайлов. – М.: Надыршин, 2008. – 840 с.
11. Кияшко И. И. 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска. // Кубанский сборник за 1909 год. Т. 14. Екатеринодар, 1908.
12. Кияшко Н.В. Генерал-лейтенант Андрей Иванович Кияшко на Кубани / Н.В. Кияшко // Вестник архивиста Кубани: научный историко-архивный альманах № 7 / Упр. По делам архивов Краснодарского края, Краснодар. Краевое отд. Российского общества историков-архивистов. – Краснодар: Диапазон-В, 2012. – С. 98-105.
13. Кухаренко Я.Г. Овцы и чабаны в Черномории. Пер. с укр. А.И. Слуцкого. Примечания. Сост. А.И. Слуцкий, А.Н. Мануйлов. / Кухаренко Я.Г. // Новые материалы по этнографии кубанских казаков. Краевой научно-методический центр народного творчества. Управление культуры администрации Краснодарского края. – Краснодар, 1993. – 62 с.
14. Куценко И.Я. Кубанское казачество. – Краснодар: Кн. изд-во, 1993. – 583 с.
15. Лях В.И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы. – Краснодар: Сов. Кубань, 1997. – 448 с.
16. Науменко В.Е. Деятельность кубанских краеведов по охране культурного наследия региона в XIX – начале XX века. / Науменко В.Е. // Культура. Наука. Образование. Ученые записки кафедры теории и истории культуры Краснодарского государственного университета культуры и искусств. Вып. 2.: сб. науч. ст. / отв. ред. Т.В. Коваленко; редкол. О.П. Неретин, А.О. Аракелова, И.И. Горлова. – Краснодар, 2011. – 177 с.
17. Пономарев В.П. Очерки истории основания закубанских станиц в середине XIX века. – Краснодар, 2007. – 160 с.
18. Православная церковь на Кубани (конец XVIII - начало XX в.). Сборник документов (к 2000-летию христианства) / Упр. по делам архивов Краснодарского края. Госархив Краснодарского края. Госархив Ставропольского края. Краснодар, 2001 - 728 с.: илл.
19. Савельев Е.П. Древняя история казачества. – М.: Вече, 2008. – 480 с. – (Тайны Земли Русской).
20. Симанович В.В. Военно-народное управление в административной системе Кубанской области. / Симанович В.В. // Проблемы развития казачьей культуры: Материалы научно-практической конференции. п.Тульский, 7 июня 1997 г. Комитет по средствам массовой информации культуре, туризму и спорту государственного совета - Хасэ республики Адыгея. Оргкомитет VI регионального фестиваля казачьей культуры - Майкоп, 1997. – 80 с.
21. Фелицын Е.Д. Щербина Ф.А. Кубанское казачье войско. – Репринтное издание. – Краснодар: Сов. Кубань, 1996. – 480 с.
22. Чистов К.В. Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. Академия наук СССР. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1967. –355 с.
23. Шамбаров В.Е. Казачество: путь воинов Христовых. – М.: Алгоритм, 2009. – 688 с.
24. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. – М.: Вече, 2013. – 576 с.
25. Шишов А.Ф. Казачьи войска России. – М.: Вече, 2007. – 500 с.
26. ГАКК (Государственный архив Краснодарского края), Ф.252, Оп.1, Д.1280, Л.131
27. Там же, Л.147
28. ГАКК, Ф. 252, Оп.1, Д. 12, Л. 18-19, 32об., 34-35.
29. ГАКК, Ф. 352, Оп.1, Д.70, Л. 32 Л. 45об
30. ГАКК, Ф.252, Оп.1, Д.1280, Л.139об
31. Там же, Л.170
32. Там же, Л.255
33. Там же, Л.256
34. Там же, Л.257
35. Там же, Л.273, 280
36. Там же, Л.376, 377
37. Там же, Л.419
38. Там же, Л.397об, 398
39. ГАКК, Ф.252, Оп. 2, Д.857, Л.359
40. ГАКК, Ф. 252, Оп. 2, Д.1280, Л. 695об
41. Там же, Л.1236-1238об
42. ГАКК, Ф.352, Оп.1, Д.1, Л.1-1об
43. Там же, Л.5
44. ГАКК, Ф.252, Оп.1, Д.1280, Л.1236-1238об
45. Там же, Л.1245-1275об
46. ГАКК, Ф.352, Оп.1, Д.70, ЛЛ.77-82
47. ГАКК, Ф. 352, Оп. 1, Д. 542, Л. 54об
48. Там же
49. ГАКК, Ф. 252, Оп. 1, Д. 12, ЛЛ. 32, 45об.
50. ГАКК, Ф.396, Оп.2, Д.498, Л.39
51. ГАКК, Ф. 449, Оп. 2, Д. 632, Л. 1, 1об
52. ГАКК, Ф. 449, Оп. 2, Д. 569, Л. 1
53. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации), Ф.102, ОО, Оп.1912, Д.274, Л.2
54. ГАРФ, Ф.102, ОО, Оп.243, 1913г., Д.155, Л. 66
55. Там же Л. 128
56. ГАРФ, Ф.102, ОО, Оп.1912, Д.274, Л.128об
57. ГАЗК (Государственный архив Забайкальской области), Ф.13, Оп.4, Д.1, Л.93об
58. ГАЗК, Ф. 13, Оп. 2, Д 32, Л. 2об
59. Там же, ЛЛ. 38-38об
60. ГАЗК, Ф. 30, Оп. 1, Д. 640, ЛЛ. 2, 59-59об
61. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив), Ф. 1482, Оп. 1, Д. 136, Л. 35
62. Полевой дневник автора. Информатор: Кияшко Раиса Федотовна, 1922 г.р., ст. Холмская Краснодарского края.
63. Полевой дневник автора. Информатор: Кияшко Иван Андреевич, 1919 г.р., ст. Холмская Краснодарского края.

СЕМЕЙНЫЕ ТРАДИЦИИ КАЗАКОВ КУБАНСКОГО ПОЛКА

В конце XVIII – нач. XIX вв. территория Кубани осваивалась различными по происхождению казачьими группами, имевшими исторически сложившиеся особенности семейных традиций.

Известно, например, что и у черноморских казаков, являвшихся выходцами из Запорожской Сечи, где приветствовалось безбрачие, семейный уклад начал формироваться в конце XVIII в., после их переселения на Кубань. В то же время у донского казачества, водворившегося на кубанском правобережье в 1794 г. и основавшего шесть первых станиц Кубанского полка: Темнолесскую, Воронсколесскую, Прочноокопскую, Григориполисскую, Усть-Лабинскую и Кавказскую, – традиция семейности насчитывала несколько столетий. Ее изучению и посвящено настоящее исследование.

Институт семьи с давних времен выполнял у донского казачества ряд важных функций. Главной из них являлась репродуктивная, обеспечивающая воспроизводство населения в условиях его постоянного сокращения: гибели казаков во время военных походов, несения очередной службы и пр. Значимость рождения ребенка мужского пола наглядно отражена в традиции поздравления родителей младенца многочисленными родственниками и друзьями, которые по справедливому замечанию Е.П. Савельева считали появление на свет младенца «праздником для всей станицы». Приходившие в дом гости дарили новорожденному элементы вооружения: пули, ружье, лук, стрелы и пр. Все подарки для обозрения развешивались на специальной стене.

По прошествии 40 дней после родов, мать посещала церковь, где над ней читалась специальная очистительная молитва. Во время ее отсутствия отец надевал на младенца саблю, подстригал ребенку волосы в «кружок» и сажал на лошадь. В таком виде муж передавал сына вернувшейся из храма жене, поздравляя ее с рождением нового казака.

Когда у ребенка прорезались первые зубы, родители вновь сажали сына на лошадь и везли в церковь, где заказывался молебен Ивану-воину. Первыми слогами, которые произносил малыш, были «пу-пу», что означало стрелять и «чу-чу» – понукать кобылу. По свидетельству Е.П. Савельева, в

три года ребенок самостоятельно ездил на лошади по двору, а в 5 лет – скакал по степи [2].

Другой функцией казачьей семьи являлось воспитание подрастающего поколения. Патриархальный уклад закреплял четкое распределение обязанностей между всеми родственниками, утверждая главенствующее положение отца. В основе воспитания детей в семье лежал труд. Мальчики, достигнув 9-10 лет, привлекались к различным «мужским» работам на домашнем подворье: ухаживали за животными, пасли лошадей, помогали отцам ловить рыбу и пр. Девочки обучались матерями основам домашнего хозяйства: приготовлению пищи, шитью, ухаживанию за маленькими братьями и сестрами.

Строгое воспитание и прививавшиеся с детства религиозные нормы поведения формировали у молодых людей целомудренное отношение к лицам противоположного пола. Находясь под бдительным контролем казачьей общины, следившей за чистотой нравов молодежи, юные казаки и казачки свободно общались, вместе участвовали в играх, праздниках и пр. [2].

Несколько иные правила существовали для дочерей казачьих старшин, проживавших в столице войска Донского г. Черкасске. На их формирование оказали влияние воспитательные тенденции знатных московских домов, в которых было принято воспитывать девочек отдельно от мальчиков. Так с 13 лет девушкам из «высшего казачьего общества» запрещалось находиться в мужском присутствии. Исключением из этого правила являлись свадебные торжества, где казачкам позволялось разговаривать с юношами. Основное время девушки проводили в кругу своих подруг и нянек, занимаясь преимущественно шитьем нарядных платьев, вышивкой кафтанов, выстигиванием одеял и пр. В праздничные дни казачки играли в жмурки, пели и плясали, водили под присмотром бабушек танки (хороводы).

Казаки и казачки с юных лет усваивали традицию уважения старших. В присутствии стариков молодому поколению запрещалось садиться, самовольно вступать в разговор и пр.

По свидетельству Е.П. Савельева, в XVI в. в казачьих семьях царил строгий патриархат. Браки, заключенные на майдане, могли быть легко растор-

Семья казака ст. Троицкой Евдокима Шишки 1906 г.

гнуты по инициативе мужа-отца, однако, разводы не поднимали общественный статус мужчин, в то время как семейные люди пользовались всеобщим уважением.

На протяжении XVII в. роль женщины-хозяйки в домашнем быту постепенно усиливалась. Казачки стали принимать участие в беседах мужчин «воодушевляя старых рыцарей своим присутствием, а когда те увлекутся – своим влиянием». Жены казачьих старшин нередко собирались вместе на «бабьи беседы», где пили вино и медовую настойку. Примечателен тот факт, что подносили напитки участникам встречи пленные турчанки [2].

Семейные традиции донских казаков, их сохранение и трансляция из поколения в поколение неразрывно связаны с религиозной культурой казачества. По свидетельству Ф.А. Щербины, значительная часть переселенных на Кубань донцов являлась старообрядцами: «на Кубань были переведены исключительно раскольники...» [8]. Старообрядческие семьи отличались строгим исполнением церковных норм, бережным отношением к традициям предков, жесткими правилами домостроя, основ-

вавшегося на строгом подчинении всех домочадцев главе семейства – отцу. Наказные атамань не раз отмечали, что выходцы из старообрядческих семей не злоупотребляли спиртными напитками, ответственно исполняли поручения, знали основы грамоты, обладали высокой нравственностью.

Большинство ревнителей старины располагалось в станицах Прочноокопской (200 семей) и Кавказской (70 – 80 семей)[1].

В 1794 г. в ст. Прочноокопской появился первый молитвенный дом, который посещали не только местные казаки, но и староверы из Усть-Лабинской, Кавказской, Григориполисской и Темнолесской станиц. Духовные нужды казаков удовлетворяли до 1811 г. староверческие беглые священники. После смерти последнего наставника – Ивана Стефанова, станичники отправились на поиски нового попа в терские и ставропольские селения, а затем в Иргизские монастыри [4]. Недостаток священства старообрядцы восполняли выходцами из своей среды. Так, с 1810 г. в ст. Прочноокопской требы исполнял отставной урядник Михаил Сесекин вместе с двумя причетниками – Николаем и Сергеем Зайцевыми.

Заселение староверами шести первых станиц Кубанского полка постоянно продолжалось: «Донские казаки, поднявшие восстание из-за переселения на Кубань, охотно, без всякого принуждения шли на прикубанские земли как только осели их предшественники по Кубанской границе... Для людей, державшихся старой веры, не существовало никаких стремлений на места и казаки-староверы охотно шли к своим единоверцам на Кубань... Шла родня к родне и одностаничники к одностаничникам» [8].

В первой четверти XIX в. появился молитвенный дом в станице Кавказской, где службу отправляли уставщики. Однако его, как впрочем, и все остальные культовые здания, посещали преимущественно женщины, старики и дети, т. к. мужское население было занято службой.

На территории линейного казачьего войска в первой половине XIX в. наблюдалась диспропорция численного соотношения мужчин и женщин. Представительниц прекрасного пола было значительно меньше, вследствие чего войсковые власти вводили запреты на замужества казачек, которые влекли за собой выезд женщин за пределы казачьей территории. В октябре 1855 г. император подписал указ «О дозволении вдовам и дочерям нижних чинов Кавказского Линейного казачьего войска вступать в браки с посторонними лицами». Но данное разрешение имело свои особенности. Так, «вдовам нижних чинов Кавказского Линейного казачьего войска, имеющим в войске прочную оседлость и детей мужского пола, равно и девицам зажиточных отцов» разрешалось «вступать в браки с посторонними лицами не иначе, как с зачислением мужей их в казачье сословие, навсегда с потомством». В то же время заключение брачных союзов иногородних с материально необеспеченными вдовами и сиротами, не имевшими земли и ценного имущества, не только не запрещалось, но и приветствовалось.

По мнению А.А. Цибульниковой во всех перечисленных случаях последнее слово в разрешении на неравный брак оставалось за руководством. По решению императора «выход казачек замуж не за казаков дозволять не иначе, как с разрешения Наказного атамана, который должен наблюдать, чтобы подобные представления делаемы были осмотрительнее». Только в сентябре 1862 г. вышел указ «Об отмене ограничений выхода в замужество вдов и девиц казаков бывшего Кавказского линейного казачьего войска», что было связано с увеличивающимся наплывом на Северный Кавказ русского

крестьянства и необходимостью быстрого демографического роста в регионе [9].

Следует отметить, что после переселения на Кубань, донское казачество оказалось в новых экономических и политических условиях. Необходимость хозяйственного освоения земель, низкий уровень здравоохранения, постоянное участие мужчин в боевых действиях Кавказской войны становились подчас весьма сложным испытанием для женщин-казачек, на плечи которых ложился основной груз забот о семейном благосостоянии. Известны случаи, когда женщины, не выдержав тягот хозяйственной жизни, предпринимали попытки развестись со своими мужьями, получив, таким образом, возможность вновь выйти замуж и покинуть Северный Кавказ. Наказные атаманы, хорошо понимавшие, что институт семьи являлся основой хозяйственной жизни линейного казачества, и его разрушение могло негативно сказаться на боевом духе казаков-воинов, всячески препятствовали их намерениям.

Показателен случай, произошедший с казачками станицы Кавказской, решившими развестись с мужьями-староверами на основании содержания царского указа 1827 г., предписывавшего расторгать старообрядческие браки, если один из супругов переходил в лоно государственной церкви. Приняв официальную веру, Дарья Якимова, Прасковья Карагина и Ульяна Павлова в 1838 г. подали прошения о разводах епископу Новочеркасскому Афанасию, который, в свою очередь, направил письмо атаману Линейного казачьего войска, напомнив, что просьба женщин должна быть удовлетворена [5]. Окончание дела – яркий пример того, насколько трудно оказалось совмещать законы центральной власти с казачьими традициями.

В домах женщин прошли повальные обыски, которые показали, что их мужья «поведения весьма хорошего и ни в каких худых поступках замечены не были», а сами казачки «поведения весьма нехорошего и развратного». Прасковью Карагину и Ульяну Павлову «за нерезонные просьбы, выдуманные по необузданности характера», «в пример другим», приговорили к наказанию розгами при станице. Расторжение брачного союза по инициативе женщины ставило под сомнение патриархальность устоев, особенно сильных в старообрядческих обществах, поскольку разводы и заключения браков древние обычаи казачества всегда оставляли в компетенции мужчин [2]. Это обстоятельство

заставило наказного атамана пойти на решительный шаг. Вопреки действующим постановлениям правительства, 8 ноября 1858 г. он издал распоряжение, запрещающее принимать в православие казачек «явно изобличаемых в развратной жизни» [6].

Запрещая разводы в староверческих семьях, войсковые власти преследовали и еще одну весьма важную цель – решение проблемы усыновления детей-сирот, что было весьма актуально ввиду отсутствия в полках богоугодных заведений.

Атаман С.С. Николаев в отчете епископу Черноморскому и Кавказскому Иеремии отмечал: «Во всех войсках..., покуда богоугодных заведений нет, детей, остающихся от убитых и умерших... родителей, берут на воспитание родственники или просто благонадежные люди, которые, взрастив их, мальчиков...определяют на службу, помогая им в последствии содержанием, а девочек выдают замуж, снабжая приданным, и от этого происходит, что в войске нет ни нищих, ни бродяжничающих».

Правда при этих случаях не разбирается строго разность вер, кроме только того, что христиан не берут ни магометане, ни духоборцы, ни жидовствующие, за чем строго наблюдается, равно и за тем, чтобы крещенные в православной церкви оставались православными».

Таким образом, институт семьи выполнял ряд важных функций в казачьем обществе: воспроизводил здоровое население, обеспечивал духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения, регулировал поведение казаков в быту, обеспечивал экономическую стабильность войска, решал проблему усыновления детей сирот и пр. Необходимо дальнейшее изучение проблемы, что позволит выявить новые особенности семейной культуры линейного казачества.

А.Н. Рябиков,

канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой истории и методики ее преподавания филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани

Список использованных источников и литературы

1. Зудин А.И. Старообрядчество. Очерки традиционной культуры казачества России. Т. 2. – Москва-Краснодар, 2005. С. 59.
2. Савельев Е.П. История казачества. Часть III. – Новочеркасск, 1918. Сс. 374-376.
3. ГАСК. Ф. 63. Оп. 2. Д. 189. Л. 110.
4. ГАСК. Ф. 435. Оп. . Д. 173. Л. 45.
5. ГАКК. Ф. 256. Оп. 1. Д. 11. Л. 1.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 85. Л. 75.
7. ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 66. Л. 41.
8. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Т. I-II. – Екатеринодар, 1913. С. 189, 700.
9. Цибульникова А.А. О некоторых особенностях брачной политики кубанской казачьей администрации в первой половине XIX в. // Электронный ресурс <http://www.slavakubani.ru>

КУЛЬТУРНО-ОБРЯДОВЫЕ ТРАДИЦИИ КУБАНСКОЙ СЕМЬИ. ПРОВОДЫ КАЗАКА НА СЛУЖБУ.

Проводы казака на службу

Кубань — это уникальный регион, в котором на протяжении двухсот лет взаимодействовали, влияли друг на друга и формировались элементы культур разных народов. Многие традиции сформировались в результате синтеза нескольких культур. Одной из самых интересных и малоизученных является обряд проводов казака на службу. Эта замечательная традиция присутствует в каждой семье; мужчина, прошедший армейскую службу, по праву считается достойным чести и хвалы, он считается настоящим казаком. Так в чем же заключались проводы казака на службу?

Изучение мужской традиции в духовной культуре очень важно. Некоторые особенности развития и формирования казачьего субэтноса, а также его культурных особенностей стали предметом научного этнического исследования. Рождение мальчика у казаков (как и у русских) считалось большим счастьем. Каждый мужчина получал «пай» земли. Также мальчику дарили подарки «на зубок»: овечку, телку... На девочек это все не распространялось. Как элемент мужской обрядности можно

рассматривать тот факт, что ребенка сажали на коня с раннего возраста, точнее сказать, с двух лет сажали на лошадь регулярно. Если он схватился за луку (выступающий изгиб переднего или заднего края седла), то говорили, что хорошим будет мальчик наездником и солдатом. В дальнейшем мальчики должны были научиться держаться в седле, а также хорошо обращаться с пикой и шашкой. С тринадцати лет мальчики участвовали в скачках, которые проводились раз в год после сбора урожая.

Военная служба казака всегда рассматривалась как основа его жизненного уклада. Проводы казака на службу близки к русским рекрутским обрядам, однако в казачьей культуре он имеет ряд существенных отличий, в первую очередь, многократная повторяемость обряда в течение жизни казака. Помимо ограниченного количества источников, необходимо отметить широкую вариативность самого обряда, объединяющуюся его зависимостью от традиций и статуса казака, его семейного положения. За некоторое время до ухода на службу молодой казак освобождался от еже-

дневной работы по хозяйству и был занят подготовкой снаряжения (список снаряжения включал в себя около 54-х предметов, необходимых для прохождения службы). Казака «выряжали на службу» - то есть, не только подготавливали «справу», но и провожали на службу новобранца – «Выряжалы за ворота казака».

Примерно за день до проводов, утром, казаки съезжались на своих лошадях в центр станицы к храму. Возле храма проводился молебен, на котором присутствовало большинство жителей станицы, родители и родственники новобранцев, атаман и станичное правление. Там же произносилась присяга новобранцев. Молебен проводился либо на площади, либо на территории храма, во время молебна отмечали, какая судьба ждет казака: если его конь стоит, опустив голову во время церковной службы, то казак не вернется домой. После молебна почетные старики и атаман напутствовали новобранцев, желали скорого и благополучного возвращения:

«Благодарылы атцов, матерей шо вырастылы сынов, проводылы на службу»;

Новобранец сам лично ходил по станице и приглашал станичников. С собой гости приносили подарки: мыло, рубашку, бритву, продукты. В качестве подарка могли выступать деньги: «Натэ серебро, шоб було вам добро в армии. А тоди ще грощи мидни, шоб ваша армия нэ була бидной». С гостями приходили и крестные родители новобранца с подарками. Крестный подходит к молодому казаку, подает торжественно шашку, крестник кланяется, принимает подарок обеими руками, чуть вынимает из ножен, благоговейно целует. Крестный наставляет новобранца: «Не позорь родителей, будь на службе бдительным: шашку чаще наострай, заржаветь ей не давай!». Крестная торжественно отдает рушник, обязательно вышитый ею. Новобранец принимает рушник с поклоном, затем называет каждого члена семьи и кланяется им, приговаривая слова благодарности, обязуется соблюдать честь семьи. После этого родители, крестные, бабушка садятся за стол, на который подает сестра, отец наливает рюмки, все выпивают, закусывают, затем запевают песню:

*Утром рано, когда солнышко встает,
Вдоль по фронту кавалерия идет.*

*Эй, ребята, жми, коли, руби,
Вдоль по фронту кавалерия идет...
Сотня слева, сотня спереди идет,
Посредине музыкальный хор поет!
Эй, ребята, жми, коли, руби,*

Посредине музыкальный хор поет...

*Командиры, наши славные отцы,
Все лихие, удалые молодцы!
Эй, ребята, жми, коли, руби,
Все лихие, удалые молодцы...
Они знают, как командовать, когда,
Мы не будем побеждены никогда!*

*Эй, ребята, жми, коли, руби,
Мы не будем побеждены никогда...*

Главную роль играют ритуальные блюда, которые символически как бы соединяют воспоминания о рождении (взвар) и смерти (кутья) Христа. Кутья, по народному поверью, несет в себе и другой смысл – ее считают хранительницей здоровья.

Утром выходили во двор, где родители благословляли сына. Мать несла хлеб с солью, отец нес икону, родители трижды менялись этими «святынями» каждого дома. Молодой казак стоял перед ними на коленях, мать одевала ему крестик (или медальон Николая Угодника или Георгия Победоносца), говорила: «Господи благослови! О цэ тоби ийти в пути, Господь впэрэди, Матирь Божа с ними, а ты за ними». Отец давал наказ служить честно: «Или грудь в крестах – или голова в кустах», «Душу – Богу, жизнь – Отечеству, честь – никому!», вручал узелок с родной землей. Невеста новобранца прикалывала первый платочек и дарила вышитый кисет для табака. Замужние женщины также могли повязать, но не платочки, а полотенца. Остальные провожающие могли читать молитвы «Отче Наш», «Верую», «Многая лета». При этом выходил новобранец из дома спиной вперед, поочередно закрывая двери из комнат в «коридор», из «коридора» во двор. Дом новобранец должен был сам закрыть на замок, а ключ отдать родителям.

Выход со двора считается важным этапом. Казак должен был выйти только через воро-

Проводы казака на службу (реконструкция обряда артистами Кубанского казачьего хора)

та (на воротах простилали рушник). Первым выходил казак, затем родители, жена (следом вела коня), гости. Не женатому казаку коня могли выводить невеста, сестра, мать, младший брат или товарищ. В тот момент, когда выводили коня, следили за его поведением. Если конь споткнется или заржет, это значит, что его хозяин не вернется со службы. На улице казак кланялся на четыре стороны, снимал с себя два платочка или рушника и бросал один вперед, другой назад. Эта традиция продолжала бытовать в 1960-1990 годы, правда в немного измененном виде. Оставшиеся полотенца хранились в доме неженатого казака до его свадьбы. Интересен также тот факт, что при выходе казака, ему вручали хлеб и благословляли им: «Уже колы выпроваживаем йёму хлыбину дали, хлыбина ны гола, з полотенцем. Вин з двору выходэ, хто б нэ случився, хтось на встричу будэ, вин довжен отдать ту хлыбину и тэ полотенце, обизательно». К площади, где собирались все казаки, неженатого новобранца вели под руки девушки. Женатый же сидел на коне, которого вела жена до места сбора. Отсюда станичники, кто пешком, кто сидя на подводах или верхом на конях, направлялись к тому месту, которое исторически в станице было связано с проводами казаков на службу.

Границей мог выступать мост через реку, камень, сад. На этом месте (границе) вновь повторялась процедура прощания. Уезжающие на службу и провожающие их выпивали по чарке «за каждое из трех желаемых событий: за благополучную дорогу, за успешную службу, за счастливое возвращение». В качестве оберега могли использовать землю, которую казак должен был взять на границе станичного юрта, а затем высыпать ее себе за воротник: «Родная земля сохранит тебя от гибели и приведет живым туда, откуда она взята». Другими оберегами считались различные молитвы, зашитые в одежду, папаху, «гадючья кожа», зашитая в казачий пояс.

Песенный репертуар также был довольно определенным в сюжетном отношении. Большая часть текстов песен сюжетно была связана с тяготами казачьей службы, разлукой с семьей, военными темами. На Кубани есть блок песен, приуроченных именно к проводам. Наиболее распространенные из них – «Последний нонешний денечек», «Конь боевой с походным вьюком», «Прощай, любезная станица», «Провожала маты сына у солдаты», «За лесом сонце воссияло», «Вышел пастух ва лужок», «Як сидив кочет на воротах», «Ой там пры далыни, там жила вдова», «Прощай ста-

ныця, горад Кавказ»:

*Іде козак на Кубань,
Знаряжений, мов той пан:
Кінь жвавий,
Сам бравий,
Хват неборак.
Мушкетюга у чехлі,
А шабляка при боці,
Ратище
Довгее –
Чом не козак?
Всунув ногу у стремено,
Ратюгою вперся в землю,
Й на коня,
Из півдня
Прудко взлетів.
Ой у того ж козака
Жінка гарна, молода,
З хати вийшла,
Честь обична,
Ему на провід.*

В советский период многие элементы обряда проходов на службу сохранялись, некоторые сохраняются и сегодня. Например, повязывание (прикальвание) платком, благословение родителей, обед, одевание крестика: «С солдатом всему веришь, хоть бы отслужил. Паэтому делали все». Бытует и традиционный обычай: в день ухода в армию призывника, если он холост, перевязывают полотенцем, к которому прикальвают подаренные девушками вышитые платочки. Как вспоминают старые казаки, этот обычай был завезен на Кубань иногородними в 19 веке и быстро укрепился среди казаков. В первые годы после революции этот обычай упростился – парню по-прежнему дарили платочки, но при этом не перевязывали.

Прохождением службы гордились. Парни, не проходившие службу, считались на второй позиции в семье. Армейские фотографии заносились родными в рамку под стеклом и вешались на стену – только на видном месте. Самым большим праздником являлся приход солдата в отпуск, проводился «большой сбор всех родичей» - собирались все (без исключения) родственники. Всей семьей совершалась обязательная процессия к достопримечательностям и памятникам своего поселения. Вер-

нувшийся боец дополнял композицию фотографий самыми дорогими для него. Никакие другие фотографии, даже свадебные, не могли сравниться по значимости и ценности с армейскими.

Можно ли задаться вопросом, а не есть ли обряд проходов в армию со всеми тонкостями и традициями этого обряда отголоском древнего обряда инициации – когда юноши должны были пройти определенные испытания, чтобы считаться взрослыми мужчинами и воинами?

В.А. Логинова,
студентка 1-го курса
факультета экономики, истории и права
филиала КубГУ в г. Славянске-на-Кубани

Научный руководитель:
Преподаватель Истории Кубани
В.Н. Камышан

*Подготовлено по материалам свободных источников.

ВОИНСКАЯ ОБРЯДОВАЯ ПЕСНЯ (начало XX вв.)

Провожала маты сына у солдаты,
Провожала маты сына у солдаты,
Молоду невестку в полэ жито жаты.

«Ийды ты, невестка, в полэ жито жаты,
Ийды ты, невестка, в полэ жито жаты,
Тай нэ повэртайся до моею хаты».

Она жала, жала, жала–выжинала,
Она жала, жала, жала–выжинала,
До восхода солнца топольной стала.

Прыйшэв сын до хаты: «Здравствуй, ридна маты».
Прыйшэв сын до хаты: «Здравствуй, ридна маты,
Чтой–то за тополя стоит сэрэд поля?»

«Нэ пытай ты, сыну, про тую прычину,
Нэ пытай ты, сыну, про тую прычину,
Быры в руки топор – рубай топольну».

Пэрвый раз ударыв – она похылылась,
Пэрвый раз ударыв – она похылылась,
Другий раз ударыв – она попросилась.

«Нэ рубай, козаче, я твоя дружина,
Нэ рубай, козаче, я твоя дружина.
Навэрху, у листьях, спит твоя дытына».

Бросыв козак топор, обняв топольну,
Бросыв козак топор, обняв топольну,
Обняв топольну, целовал дытыну.

Маты моя, маты, шо ж ты наробыла,
Маты моя, маты, шо ж ты наробыла,
Ты ж мэнэ з симьёю навик разлучила.

Як будышь женыться, другу жинку браты,
Як будышь женыться, другу жинку браты,
Нэ забудь сказаты, яка у тэбэ маты.

Альманах подготовлен Обществом любителей истории и краеведения Славянского района

Наши друзья и партнеры:

Общество любителей истории и краеведения
Славянского района;

Художественно-исторический Совет при главе
муниципального образования Славянский район;

Славянское горрайотделение ВООПИК;

Филиал Кубанского государственного университета
в г. Славянске-на-Кубани;

Краснодарское региональное отделение
Русского географического общества;

Архивный отдел администрации муниципального образова-
ния Славянский район

При информационной поддержке [www. SLAVHistory.ru](http://www.SLAVHistory.ru)

Славянский историко-краеведческий музей

Мнение редакции журнала может не совпадать с мнением авторов.
Перепечатка материалов, опубликованных в историко-краеведческом альманахе
«Копыл», допускается только с письменного согласия редакции.

Редакция приглашает к сотрудничеству авторов историче-
ских и краеведческих работ, исследователей фольклора, этно-
графии и традиций Славянского района.

Материалы просьба направлять на электронный адрес ре-
дакции. Формат текста Word 97 – 2003, иллюстрации в форма-
те jpeg с разрешением не менее 300 dpi.

Рукописи не рецензируются и обратно не возвращаются.

Распространяется в библиотеки и клубные учреждения г. Славянска-на-
Кубани и Славянского района.

Адрес редакции: 353560 Краснодарский край,
г. Славянск-на-Кубани, ул. Красная, 34, каб. 12,

тел./факс: 8 (86146) 4-37-24

e-mail: slavhistory@gmail.com

сайт: www.slavhistory.ru

Отпечатано с готового электронного макета ГУКК «Центр
технического и хозяйственного обслуживания учреждений
культуры, искусства и кинематографии»

350000, г. Краснодар, ул. Ленина, 89. Тираж 150 экз.

НАШИ ЮБИЛЕИ 2013 год:

- 220 лет со дня открытия первого промышленного предприятия на Кубани – Ачуевского рыбозавода;
- 130 лет со дня открытия первой почтово-телеграфной конторы в ст. Славянской;
- 115 лет со дня открытия первого театра в ст. Славянской;
- 100 лет со дня открытия здания железнодорожного вокзала в ст. Славянской;
- 90 лет со дня открытия памятника в честь героического похода Таманской Красной армии;
- 70 лет со дня освобождения ст. Славянской от немецко-фашистских захватчиков;
- 55 лет со дня образования г. Славянска-на-Кубани;

ГАЛЕРЕЯ

ПРЕДМЕТОВ КАЗАЧЬЕГО БЫТА

ТЕЛЕГА

РУЧНОЙ ПРЕСС

ВЕСЫ НАПОЛЬНЫЕ

КОВАННЫЙ
АМБАРНЫЙ ЗАМОК

ПОДОЙНИК

ТОЧИЛО

ВЕСЫ НАСТОЛЬНЫЕ

КРУПОРУШКА

КУВШИН

КРУПОРУШКА

КУВШИН-КРУПНИК

НАКОВАЛЬНЯ

РУБЕЛЬ

КРЫНКА

АЗОВСКОЕ МОРЕ

Приморско-Ахтарский район

Калининский район

АЧУЕВО

Слободка

ГОЛУБАЯ НИВА

Деревянковская

Ставки

Чёрный Ерик

Мостовянский

Калабатка

Прорвенский

Верхний

ЧЕРНОЕРКОВСКАЯ

ПЕТРОВСКАЯ

Беликов

Красноармейский городок

Погорелово

ГАЛИЦЫН

Водный

р. Протока

Красноармейский район

Нещадимовский

БАРАНИКОВСКИЙ

Губернаторский

Садовый

Прибрежный

СОВХОЗНЫЙ

Степной

Вишнёвый

Семисводный

МТФ №8 колхоза "Путь к коммунизму"

СЛАВЯНСК-НА-КУБАНИ

Кирпичный

МТФ №8 колхоза "Путь к коммунизму"

АНАСТАСИЕВСКАЯ

КОРЖЕВСКИЙ

Шапарский

Прикубанский

Ханьков

Урма

ПРИКУБАНСКИЙ

Соболевский

МАЕВСКИЙ

Троицкий

Сербин

Колесников

Темрюкский район

р. Курка

р. Кубань

Крымский район

ISSN 2306-1383

9 772306 138237 >